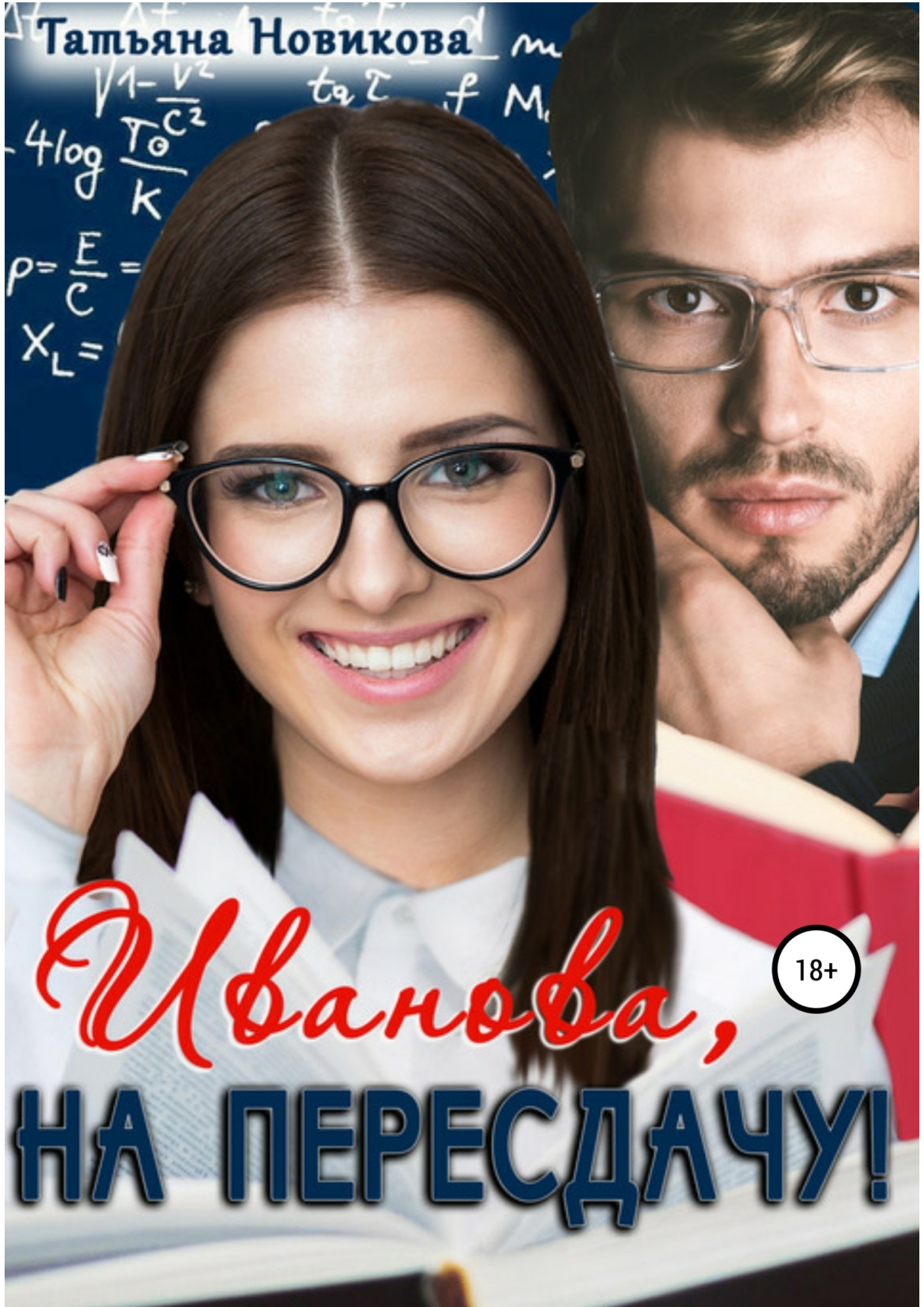

Татяна Новикова

Иванова,
НА ПЕРЕСДАЧУ!

18+

Татъяна Новикова

Иванова, на пересдачу!

«Автор»

2022

Новикова Т.

Иванова, на пересдачу! / Т. Новикова — «Автор», 2022

До знакомства со Стасом Измайловым я и не подозревала, что люблю сопромат. Ну а как не любить, если ему обучает такой горячий преподаватель? Таинственный, суровый. Непрístupная крепость. Человек, который не терпит двоечников и прогульщиков. Шестая пересдача? Сам напросился – так пересдам, что мало не покажется. Берегись, Станислав Тимофеевич. Скоро ты узнаешь, на что способна единственная девушка на строительном факультете!

Содержание

Часть 1. Сила тяжести	5
Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Часть 2. Сила трения	18
Глава 1	18
Глава 2	22
Глава 3	28
Глава 4	33
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Татьяна Новикова

Иванова, на пересдачу!

Часть 1. Сила тяжести

Глава 1

– Иванова! Вы читали то мракобесие, которое скопировали из интернета?

Станислав Измайлов зыркнул на меня с такой жалостью, будто на моем лбу было написано: «Больна на всю голову и лечению не подлежит».

– А что не так?

Я с сожалением оторвалась от тетрадки. Эх, такой узор красивый получался, без единого отрыва ручки от бумаги. Теперь уже не повторю.

– «Полная версия реферата доступна после оплаты», – зачитал он с расстановкой. – Иванова, кому заплатить, чтобы я ознакомился с полной версией?

Братья по несчастью – всего нас в кабинете сидело семеро – нервно хихикнули. Углубленный сопромат не давался нам от слова совсем. Шла пятая пересдача. Шестую я не переживу, потому что уже не знаю, что выдумать и где скачивать. Без вариантов. Или беру экзамен штурмом, или отчисляюсь.

Профессор показательно выбросил мою курсовую работу в мусорное ведро, что стояло под его столом, и открыл следующую. Кажется, всё-таки отчисляюсь.

– Семенов, вы не сдадите предмет, если будете продолжать писать «РастЕжение». Ещё и «металлов» через одно «л». Свободны.

Миша Семенов, добродушный увалень, без претензий встал и направился к выходу, помахав нам на прощание ручкой.

– Иванова, вы тоже можете идти, – буркнул преподаватель-тиран, вчитываясь в работу следующей жертвы.

Эх, а ведь когда-то он мне нравился. Помню, как началась первая пара, и в кабинет вошел симпатичный мужчина в костюме. Я мельком сделала его фото и отправила подружке. Смотри, мол, какой лапочка. Не старый ещё, лет тридцати пяти. Легкая небритость, выразительный взгляд, идеальная осанка. А главное – и не скажешь, что преподаватель.

Вскоре оказалось, что он не лапочка, а высокогорный козел, который влюблен в свой сопромат по уши. Не удивлюсь, если он спит с ним ночами в обнимку.

Фу, блин.

– Не, я, пожалуй, останусь, – сказала тихонечко.

– А смысл? – Станислав Тимофеевич склонил голову набок. – Дайте определение второй теории прочности.

Мамочки. А что, была ещё и первая?..

Я оглянулась на братьев по несчастью, но те потупили взоры и не высывались. Авось их минует взрывная волна преподавательского гнева.

– Иванова, как вы доучились до третьего курса? – вздохнул Измайлов, когда молчание непростительно затянулось.

Как-как. С трудом, слезами и в постоянном страхе быть отчисленной. Как ещё может учиться единственная девушка на потоке? Я-то по наивности считала, что у меня будут привилегии, ибо мальчишки падут ниц перед моим очарованием.

Ага, ща.

Меня в первый же месяц окрестили «своим парнем», поэтому в качестве девушки не расценивали и помогать отказывались.

– Просто мне не дается сопромат, – произнесла с вселенской тоской. – Я очень стараюсь, но всё впустую.

– Стараются? Неужели? Ну-ка, посмотрим.

Он схватил мой конспект быстрее, чем я среагировала, и раскрыл на середине. Ох, зря, потому что ведение тетрадей никогда не было моей сильной стороной.

– Изгиб – это вид деформации, при котором происходит... А дальше многоточие. Вас не хватило даже на определение изгиба? – он перелистал страницу. – О, стишки пошли. *Туманным вечером в саду я встретил девушку одну...* А продолжение? Что ваш герой натворил с этой девушкой?

– Отдайте! – Я покраснела до кончиков волос и вскочила из-за парты.

Опрокинутый стул бухнулся на пол с грохотом. Я подлетела к Измайлову, но садист не прекращал зачитывать выдержки из моих записей. Язвил. Наигранно восхищался.

Ах, так?!

Я кинулась на него, вереща как ободранная кошка, пытаюсь вырвать тетрадь.

– Иванова, вашу...

Измайлов не удержался на ногах, и мы оба полетели вниз. Ребята поднялись с мест, но помощи не предлагали. Так и стояли, раскрыв рты от изумления. Кто-то потянулся за мобильным телефоном.

А я сидела верхом на профессоре и думала, что экзамена мне не видать. Причем никогда.

– Иванова, – очень ласково, почти нежно. – Встаньте, будьте добры.

Ноги, как назло, не слушались. Вообще. Никак. Я помотала волосами, мол, извините, Станислав Тимофеевич, не судьба. Сегодня вы будете проводить занятия в позе наездницы.

Внезапно сильные руки очутились на моей талии. Горяченные такие руки, знающие, как правильно трогать девушку. Да и сам по себе Измайлов оказался не рыхлым, а очень даже накаченным. Приятно подержаться.

Ой...

Руки подняли меня резким движением, и профессор смог выползти на свободу. Мне помог подняться однокурсник, Серега Кошелев, потому что ноги продолжали разъезжаться как у коровы на льду.

– Иванова! – рыкнул Измайлов, отряхивая глаженую рубашку. – На пересдачу! Без нормальных лекций не возвращайтесь! И если ещё раз...

Дважды повторять не пришлось. Мой личный деспот не успел договорить, а меня уже и след в кабинете простыл. От греха подальше, пока он не подал в суд за членовредительство.

Уф. Отделалась малой кровью.

Или нет?..

– Поздравляю!!! – завопила Иришка Шевченко, когда я понуро вползла в комнату.

Мы делили скромные десять квадратных метров на двоих с подругой вот уже три года. Сначала нас было четверо, но девочки не выдержали моего дурного характера и ночных посиделок Иришки со всеми парнями общаги по очереди. Комендант общежития поставила нас перед фактом: или платим за четверых, или ищем себе новых соседок.

Нам понравилось ощущать себя барынями.

– Не с чем поздравлять, я завалила.

Плюхнулась на скрипучий матрас и уставилась в потолок с безысходностью.

– Опять? – огорчилась подруга. – Даша, как ты умудряешься это делать?

Она была настоящей красавицей. Низкорослая блондинка с третьим размером груди. Есть, на что полюбоваться. Ни единого лишнего килограмма. Точеная талия. Васильковые глаза, обрамленные пышными ресницами. А пухлые губы... мне кажется, пацаны залипали на них часами.

И для сравнения я – жердь, обтянутый в джинсы. Такие слова, как грация, стиль, умение себя подать, были мне незнакомы. Я не красилась, куталась в свитера и никогда не делала ставок на внешность.

– Да вообще глупая ситуация получилась, – пришлось поделиться с Иришкой масштабами катастрофы.

Вскоре подруга ржала как конь, всхлипывая от смеха, а я пасмурно поедала припасенный с утра бутерброд.

– Ну и как тебе профессор... на ощупь? – улыбнулась Иришка, гаденько подмигнув.

– Бывало и лучше. Ты бы вот не смеялась, а сказала, что делать-то? Если я не сдам сопромат, мне кранты.

– Выучить, так понимаю, не вариант?

Легко ей говорить. Она обучается на социолога, где все определения предельно понятны и просты. Никакой третьей теории прочности. Или второй?..

Ну вот, уже забыла.

– Вообще не вариант.

– А ты его соблазни, – подсказала Иришка. – Он же ботаник затюканный, грудей женских никогда не видел. Скажи, что в момент единения ваших тел осознала, как он тебе интересен. И впейся жадным поцелуем ему в губы.

– Ой, да иди ты знаешь куда, – я зашвырнула в неё подушкой. – Сама впивайся в губы Измайлова, размахивая грудями. Пиявка, блин.

– Чего ты сразу дуешься? Я просто пытаюсь помочь.

Помощница из неё, конечно, так себе. Стопка любовных романов с полуголыми героями на обложке очень красноречиво намекала на то, какие варианты решения могут родиться в голове Шевченко.

Ничего приличного, короче говоря.

Я бы высказала какую-нибудь колкость, но тут в дверь постучали. Серега Кошелев выждал положенные три секунды, за которые мы, по всей видимости, должны были одеться, и всунулся в щелку.

– Ну что, сдал? – кисло спросила его.

– Да конечно. – Серега втиснулся в комнатуху, осмотрел стол на наличие еды, грустно вздохнул. – Этот чудила на букву «м» после того, как потерял о тебя причиндалами, быстренько свернул экзамен, схватил свой дипломат и куда-то...

– Смotalся, – подсказала Иришка, знающая, как Сережа любит вставлять матерные слова по делу и без.

– Угу, именно. Короче, Иванова, во всем ты виновата. Не могла, что ль, спокойно свалить, а не лапать препода за выступающие места?

Он дружелюбно пихнул меня в предплечье, не рассчитав силы, как пихал всех друзей-пацанов. Я покачнулась и чуть не отлетела к окну.

– Ай! – Кажется, останется синяк. – Нечего меня обвинять. Измайлов сам напросился.

– Ага, он мечтал, чтобы его оседлала госпожа-Иванова.

– Варезку захлопни, – я вернула Кошелеву тычок. – Короче говоря, никто не сдал. Хм. Всего сколько наших осилили экзамен?

– Четверо, что ль.

– Семнадцать человек завалило, – я хищно облизала губы. – Может, дело не в нас, а в Измайлове?

– Что ты задумала? – Кошелев заулыбался.

– Созывай совет неудачников. Будем решать, что делать.

В моей голове медленно, но верно зарождался план. Коварный. Грандиозный. У меня вообще была такая логика: сделаю что угодно, только бы ничего не делать. Прирожденная лентяйка. Горжусь собой!

Иришка, наблюдающая со стороны за тем, как Серега хлопнул в ладоши и ретировался, покачала головой.

– Может, всё-таки попытаешься выучить?

– Ни за что, – фыркнула я. – Мы покажем этому упырю, кто умнее.

– Уж явно не вы, раз не можете с первого раза сдать, – съязвила подружка, но больше не спорила.

За три года она привыкла к тому, что каждая следующая моя идея хуже предыдущей. Чего стоил только мангал на общем балконе общежития, который я соорудила в честь окончания первого курса. Честное слово, мне и в голову не пришло, что бетон тоже может всполыхнуть!

Спустя пятнадцать минут наша комнатуха наполнилась парнями разной степени уныния. Например, Семенов Миша жевал пирожок и улыбался, а вот Кошелев Серега был готов идти в бой.

– Итак, у Ивановой есть гениальное решение проблемы с Измайловым, – обозначил он ситуацию.

Десятки глаз уставились на меня с надеждой.

– Ага, есть. Мы дадим ему взятку, – ухмыльнулась я под глухой стон Шевченко.

А чего она ожидала? Что я предложу устроить избу-читальню по сопромату?

Ну-ну. Не дождетесь.

Парни переглянулись. Видимо, мысль о взятке посещала их светлые головы, но до сих пор не оформилась во что-то дельное. Что ж, зачинщиком революции быть мне.

– По сколько скидываемся? По пятьсот рублей? – спросил главный жадина потока, Степа Шпак.

– За пятьсот рублей мы уговорим Измайлова разве что клизму поставить. Одну на всех. Вы его джип видели? Здесь нельзя мелочиться. Минимум по пять тысяч с носа.

– А у него харя не лопнет? За пять тыщ-то? – возмутился кто-то из парней, сидящих в углу комнаты.

– Не треснет, – страдальчески поправила Шевченко. – Харя трескается, а не лопается.

– А есть разница? – серьезно спросил Кошелев.

– Блин, Сережа. Ты никогда не слышал выражение «харя не треснет»?

– А должен был?

Я свистнула в два пальца, прерывая балаган. Потому что ещё чуть-чуть, и Иришка набросится на Кошелева с кулаками.

– Не отвлекаемся! Мы договорились? Если каждый из присутствующих скинется по пять тысяч, получится ощутимая сумма.

Парни помедлили. Конечно, углубленный сопромат никто не любил, но расставаться с деньгами вечно голодные студенты не любили ещё больше.

– Не, – сказал Шпак, поднимаясь, – вы как хотите, а я лучше выучу.

Ещё двое ребят ушло без прямого отказа. Мол, неотложные дела, надо бежать, да и денег нет. С этими тоже всё понятно. Слились.

Остальные подумали и кивнули. Ну а что делать? Будем брать Измайлова на живца. Тем более, купленная курсовая работа по предмету обойдется минимум в двадцатку с носа.

– Ну, всё, – я ухмыльнулась, – осталось выбрать гонца. Того, кто возьмет зачетки и будет просить от имени сирых и убогих нашей группы.

– А чего выбирать? – удивился Кошелев, ковыряя в ухе. – Ты и иди.

– Почему я-то сразу? – поперхнулась.

– Вообще я с Сережей согласна, – потупилась Иришка. – Ты – единственная девушка. К тебе он отнесется мягче, чем к парням, и деньги возьмет проще. Только это... в порядок себя приведи.

Я машинально глянула в зеркало, которое висело на входной двери. Нормально всё вроде. Синяки под глазами, правда, такого черного цвета, будто меня кто-то избивал. Но в целом – ничего критичного.

– В смысле?

– Платице надень, сапожки на каблуке, – намекнула подруга.

– Волосы расчеши, – добавил Кошелев, дергая меня за пучок на затылке.

– Глаза накрась, – подметил Семенов радостно.

– Не сутулься.

– Улыбайся хоть иногда.

– Да вы заколебали! – Я психанула, когда подсказки превратились в разномастный галдеж, и каждый однокурсник захотел вставить свои пять копеек. – Следующий, кто выскажется про мою внешность, получит по башке.

– Вот да, – согласилась Иришка смущенно, – это тоже. Убери из лексикона всякие «башки» и прочее. Ты же девочка.

Парни-подстрекатели радостно покивали, точно стая голубей. Да-да-да, Иванова, ты страшная, ещё и разговариваешь как последняя гопота – это читалось в их взглядах.

– Завтра у Измайлова зачет у группы механиков, – оповестил уткнувшийся в телефон Серега. – В три часа дня. До этого времени каждый снимает пятерку и отдает Ивановой. К трем часам Иванова превращается из тыквы в принцессу, – он получил от меня локтем в живот, но ржать не перестал, – и идет окучивать Измайлова. План действий понятен?

– Угу.

– Возражения имеются?

– Может быть, всё-таки не я?..

– Ты! – единогласно. – Ирка, у тебя задача: к завтрашнему дню облагородить Иванову.

– Это мы мигом, – ухмыльнулась подруга, потрясая чемоданчиком с косметикой.

Однокурсники разошлись по комнатам, оставив меня недовольно пыхтеть и поглядывать на Шевченко как на врага народа. Та беззаботно присвистывала, вытаскивая своё богатство: десять видов губной помады, палетку с тенями, четыре тональных крема.

– Ты вообще юбки носишь? – полюбопытствовала она вдруг. – Я тут поняла, что за три года ни разу не видела тебя в колготках.

– Последний раз надевала в школе на выпускном вечере, – буркнула я оскорбленно.

– Ну-ка, штанину подними.

– Зачем?

– Подними, я тебе сказала!

Я исполнила требуемое, и Иришка уставилась на пушок волос, который зимой отрастал в своё удовольствие. Ну а смысл? Парня у меня нет, и бриться незачем. Так хоть тепленько будет.

– Н-да, вечер предстоит долгий, – сокрушаясь, заявила Шевченко и потянулась за машинкой для эпиляции. – Ничего, мы закончим, и Измайлов тебе отдастся.

– А если я не хочу, чтобы он мне отдавался?

– А тебя никто и не спрашивает.

Глава 2

В час дня местный «Модный приговор» в лице Шевченко и Кошелева осматривал чудовище, которое сотворил своими руками. Я выглядела откровенно плохо. Дурацкое платье задиралось до пупа, обнажая тощие коленки. Сапоги на шпильке обтягивали ноги и были ужасно неустойчивы. Я моргала, а закрученные ресницы, казалось, бились о лоб. Рот вообще не закрывался – столь щедрым слоем помады его намазали.

– Идеально! – известил Серега, и Иришка горделиво фыркнула. – Сопромат рухнет к твоим ногам.

– Вам не кажется, что я похожа на девушку легкого поведения? – оглядела себя в зеркале. – Очень легкого поведения. Практически «отдамся за еду».

– Этого мы и добивались! – гоготнул Кошелев. – Всё, красотка, выдвигайся. Деньги взяла?

– Взяла, – я похлопала по карману сумочки.

– Зачетки взяла? Все? Должно быть десять штук.

– Разумеется, взяла. Ты за кого меня принимаешь? – психанула я.

– За кого он тебя принимает, мы уже выяснили. Осталось разобраться в деталях, – приснула Иришка.

Вскоре я тряслась в стареньком трамвае, судорожно прижимая сумочку к груди и думая о том, как ненавижу технические науки. Они приносят людям исключительно страдания.

Вот бы стать гуманитарием!

Ну, не моё это. Не моё.

При поступлении я еле-еле проскочила на бюджет. Да и проскочила только потому, что по специальности был дикий недобор. Все ломанулись в программисты с финансистами, а строительный факультет остался не у дел.

И вот я тут. Математика мне никогда не давалась, физика казалась демоническими заклинаниями, а при виде начертательной геометрии у меня сводило зубы.

Самое главное – из моей головы всё выскакивало, не успев заскочить. Даже если какая-то тема казалась понятной, то на следующий день она забывалась. Совсем.

Нет, я честно училась, сдавала предметы и почти не мухлевала. Случай с сопроматом особый, потому что Измайлов был непробиваемым. Если остальные профессора до тройки натягивали, то этот – ни в какую.

«Не знаешь – пошла вон», – таков его девиз.

Я доковыляла до университета. Придерживаясь за поручень, поднялась по скользкой лестнице. Снегу-то навалило! Крыльцо запорошило, а у самых дверей кто-то вылепил миниатюрного снеговика.

Ноги, кстати, продрогли в тонких колготках. Зачем девушки морозятся зимами? Почему не носят теплые джинсы? Машинка ещё эта для пыток – то есть для эпиляции, – с которой Шевченко носилась за мной по общежитию.

Бр-р-р. Как вспомню...

Надеюсь, оно того стоило.

Измайлов обнаружился на кафедре. В гордом одиночестве, он изучал какую-то статью на ноутбуке.

Это мой шанс!

– Станислав Тимофеевич, – промурлыкала я, закрыв за собой дверь. – Разрешите войти?

– А вы кто? – он бегло глянул на меня и отвернулся к ноутбуку. – Вам назначено?

– Иванова Дарья, – отрапортовала, замерев по струнке. – Пришла договориться о пересдаче.

– Ивано... что?!

Измайлов осматривал меня куда задумчивее и дольше, чем обычно. Кажется, картинка не складывалась. То существо, которое восседало вчера на нем, и то, которое топталось в дверях, никак не могли быть одним человеком.

– Вас кто-то покусал, Иванова?

Угу, оборотень по имени Иришка, из-за которого я превратилась из человека в нормальную девушку.

– Нет... просто...

Проклиная всё на свете, а особенно – шпильки, я доплелась до преподавательского стола и нависла над Измайловым. Как бы вывалить перед ним зачетки? Не просто ж кинуть в лицо со словами: «Всё оплачено!»

– Вы хотите договориться о пересдаче? – подсказал профессор, закусив кончик карандаша.

– Ага, – не стала отрицать я. – Очень хочу. Мы от лица группы... – покопалась в сумочке, – хотели бы поздравить вас с наступившим Новым годом и... – дернула за молнию на кармашке, – пожелать всего наилучшего в... Черт!

Конверта нигде не было. Вообще. Никакого. Сердце пропустило удар. Матушки, там же пятьдесят тысяч рублей! Он же не мог вывалиться в трамвае?!

Я уставилась на Измайлова со смесью паники и отчаяния.

– Вы что-то потеряли? – осторожно спросил тот.

– Да, деньги, – я закопалась в сумке с головой, вытряхнула наружу содержимое, но, кроме десяти зачеток, пачки жевательной резинки и одинокого презерватива (какой идиот его туда подбросил?!), внутри ничего не лежало.

– Какие?

– Которыми собиралась дать вам взятку!

Профессор закашлялся и отодвинулся от меня подальше, а я продолжала копаться в карманах.

Впустую.

Не может быть...

Меня накрыло рыданиями. Такими горькими, что любой бы сухарь тотчас сдался и поставил всем «отлично». К сожалению, местный тиран лишь откинулся на стуле и, выхватив у меня из рук сумочку, вывернул её наизнанку.

Что же делать? Меня же убьют ребята... это катастрофа... Где взять пятьдесят тысяч? В кафе, где я подрабатывала, платили пятнадцать, если пахать без выходных. Я не расплачусь с парнями, даже если влезу в долги.

А ведь ещё жить на что-то надо...

– Это искали? – Измайлов протянул мне белый конверт, набитый наличностью.

– Да-а-а, – размазывая слезы по щекам, ответила я. – Где вы его нашли?

– У вас дыра не только в голове, но и в подкладке. Иванова, идите домой. Я не беру взятку, тем более – от вас.

Эй! Прозвучало так, будто мои взятки какие-то неправильные. Я все-таки попыталась воспротивиться и протянула конверт обратно ему.

– Это не взятка, а подарок от нашей группы...

Измайлов закатил глаза, поднимаясь со стула и распахивая дверь. В пустующем коридоре лениво слонялся одинокий студент.

– Иванова, проваливайте. Я сделаю вид, что вы не вламывались сюда и не занимались уголовно наказуемыми делами.

Проваливайте...

Мне представилась шестая пересдача, озлобленный профессор, который шныряет по кабинету, выискивая шпаргалки. Очередной напечатанный на коленке реферат, в котором я понимаю только запятые.

Заодно Измайлов припомнит сегодняшнюю историю, и сопромат вообще никто никогда не сдаст. А врагом народа станет Даша Иванова, ибо она провалила ответственное задание.

Наши такого не простят. Мне кранты.

– Н-нет, – вспыхнула и ломанулась к двери, чтобы закрыть её. – Пожалуйста, возьмите деньги.

– Вы рехнулись?

Измайлов устался на меня. Желваки на его щеках напряглись от гнева. Я стояла, загромождавая собой дверь, и ощущала себя маленькой и незначительной по сравнению с преподавателем.

– Нас устроят тройки.

– Иванова, вы будете отчислены, гарантирую. Я лично сообщу в деканат о взятке.

Он попытался отодвинуть меня в сторону, но я уперлась в дверной проем всеми конечностями и разве что не вцепилась зубами. Нетушки. Пока не возьмешь деньги, не уйду. Жить здесь останусь. Митинг устрою. Но не сдамся.

– Идите в деканат, но сначала поставьте тройку.

Измайлов обманным маневром дернул меня от двери. Это было зря. Я и так с трудом сохраняла равновесие, а теперь лишилась его окончательно. Шпильки подогнулись, ноги разъехались. Я пискнула и рухнула к нему в объятия. Так и застыла, уткнувшись носом в грудь, осознавая, что второй раз за двадцать четыре часа шупаю Станислава Тимофеевича.

Кстати, факт на отвлеченную тему. У него вкусная туалетная вода. Горчащая, но не едкая. От рубашки пахнет крепким кофе и чем-то ещё. Непонятным, но чарующим.

– Иванова, вашу ж мать...

Какие у него глаза. Никогда не задумывалась, что взгляд может быть таким манящим. Черным, пугающим. Точно омут, в котором легко утонуть.

Неожиданно мои губы нашли его и...

Удивительно, но Измайлов ответил на поцелуй. Яростно. Властно. Не давая возможности одуматься.

Он вдавил меня в стену и дернул верхнюю пуговицу на моем платье. Ладонью огладил мои бедра, и я задохнулась от совершенно новых ощущений. Внизу живота разлился жар.

– А вдруг кто-нибудь зайдет... – пискнула я, стаскивая с человека, которого пять минут назад люто ненавидела, рубашку.

– Плевать, – рывкнул Станислав Тимофеевич (какой он теперь Тимофеевич?) и сбросил со стола кипу тетрадок.

Кажется, Иришка была права. Измайлов мне все-таки отдался.

Дверь на кафедру он всё-таки закрыл с внутренней стороны. В последний момент. Не отрываясь от моих губ.

Ещё б табличку повесил: «Занято».

Надеюсь, никому из преподавательского состава не понадобится срочно войти.

А затем он усадил меня на стол, и дурацкие мысли покинули голову.

Ох...

Руки тяжелые, но ласковые. Взгляд точно палящее солнце. Невыносимо.

Измайлов стянул с меня платье так легко, будто занимался этим ежедневно. Его губы коснулись шеи, опалая кожу дыханием. Поцелуй в ключицы и ниже. Ещё ниже. Медленно, словно назло.

Одним рывком мой некогда нелюбимый преподаватель поддел бюстгальтер и опустил чашечки по грудь. Я пыталась смолчать, но стон вырвался, стоило языку очертить контур набухшего, жаждущего ласки соска.

Что же это такое...

Наваждение...

Сильные пальцы рывком стянули колготки. Треснул капрон, и по ногам пробежались «стрелки». Хвала небесам, на мне приличное белье, а не труселя с надписью «Кто первый, тот и папа», которые мне подарила на Новый год Иришка.

Измайлов коснулся меня там... внизу... в самом сокровенном месте. Нашупал поверх белья чувствительную точку и чуть надавил на неё.

Я всхлипнула от наслаждения, что остро врезалось под кожу, а сама машинально, словно не отдавала себе отчета в том, что творю, уже стаскивала с него брюки. Его затвердевший член выпирал через трусы-боксеры. Я достала его наружу. Какой же он горячий. Твердый. Большой.

Обнаруженный презерватив пришелся кстати. Как их, блин, надевают в порыве страсти?! Элегантно так, в одно движение. У меня вон руки трясутся, и латекс никак не раскручивается.

Но получилось. Уф.

Этот мужчина не заботился о том, чтобы раздеть девушку. Отодвину полоску моего белья, он вторгся в меня на всю длину, вырвав из груди тихий всхлип. Я обхватила ногами его талию и задвигалась в такт, истекая соками от удовольствия. То подкатывало волнами, пульсировало жаром. Накрывало с головой.

Никогда раньше я не думала, что секс может быть таким невероятным. Что он может приносить чистое блаженство. Что два тела, сплетенные воедино, могут двигаться в унисон. Что мне захочется подмахивать попой, только бы это не заканчивалось.

Ещё. Сильнее. Пожалуйста.

Я всегда опасалась интима, считая его чем-то неправильным. Нет, после свадьбы, с любимым мужчиной – самое то. Но чтобы так, поддавшись порыву; в страхе, что сейчас на кафедру войдет кто-нибудь чужой, и нас заметят...

– Глубже, пожалуйста, – скулила, чувствуя, как меня накрывает взрывной волной.

Измайлов вновь коснулся груди, зажал сосок меж двумя пальцами и оттянул его. Аккуратно, но быстро. Второй рукой он провел по моему животу, скользнул ниже. Разведя нежные складочки, дотронулся до клитора. Массируя. Надавливая.

Это было невозможно терпеть. Единственное, что я успела сделать, чтобы не закричать на всё здание, – впилась поцелуем в шею Измайлова.

Наверное, останется засос.

Мужчина, что довел меня до блаженства, задвигался быстрее, застонал и вскоре опустился на меня всем телом, пытаясь отдышаться.

Никогда еще меня не накрывало такой опустошающей усталостью, словно я пробежала марафон, а после него еще проплыла километр-другой в бассейне. Всё тело было ватным, и голова кружилась. Остро не хватало воздуха. Я откатилась от Измайлова и, нащупав на краю стола платье, стала натягивать его на себя.

Странно, но демон-искуситель молчал. Он заправил рубашку в брюки, не произнеся ни слова. Пригладил волосы. Поднял тетрадки и вновь разложил их на столе.

– Всё нормально? – повернулась к нему.

– Да... нет... что же мы натворили, – отдернулся Измайлов и посмотрел на меня так, как совсем недавно я сама глядела на него: с почти паническим ужасом. – Иванова, это полное дно.

– Настолько плохо было? – глупо хихикнула я, в панике отыскивая конверт, который в порыве страсти мы откинули куда-то вглубь кафедры.

Он многозначительно промолчал.

Ну а что такого? Совершеннолетние, имеем право заниматься любыми непотребствами. Никакого принуждения, исключительно по взаимному согласию.

Неправильно, конечно, осквернять университет. Но так получилось.

– Заберите деньги, Иванова, – как-то обреченно сказал Станислав-теперь-уже-не-Тимофеевич, и я не посмела с ним спорить.

Кажется, ему раньше не доводилось спать со студентками, иначе чего он так сдулся и обмяк?

Что-то сказать надо? Ведь после секса что-то говорят?

– До свидания... на пересдаче.

– Ага, – даже не глянул в мою сторону.

Я пожала плечами, одернула платье и задумалась о том, где купить новые колготки, чтобы не ехать с голым задом в мороз.

– Извини...те, что так получилось.

Он не ответил.

Черт. Кажется, я сломала преподавателя.

Глава 3

В спальне Иришки не обнаружилось, и я быстренько переоделась, пока проницательная подруга не заметила, что днем её соседка уходила в темных колготах, а вернулась в светлых, еще и гигантских, натянутых до груди.

Ну а что, какие нашла в ларьке около остановки, те и купила.

Колготки пали жертвой в неравном бою со страстью, но меня это не печалило. Скорее наоборот – будоражило воспоминания.

Ведь было хорошо. Нет, не так. Прекрасно, невероятно, сладко до невозможности.

Так вот, что значит – заниматься любовью с правильным человеком!

Такой ураган эмоций, что не усидеть на месте. В комнате слишком тихо и тесно, поэтому пойду вытворять добро в каких-нибудь других помещениях.

Шевченко вместе с другими девчонками кашеварила на общей кухне. У нас с ней была договоренность: она готовит, а на мне уборка. Потому что с кулинарией у меня не задалось изначально. Что не сгорело, то прокисло ещё не стадии варки. Зато у Иришки было особое понимание порядка: ноги не прилипают – значит, чистенько.

– Ну что?! – воскликнула она, обтерев ладони о фартук. – Тебя можно поздравить?!

Ну, как сказать. Я занялась лучшим сексом на свете, но тройку так и не получила. Поздравить меня, конечно, можно, только не с экзаменом.

– Измайлов не берет взятку.

– И что, даже откровенный наряд не помог? – изумился Кошелев, жуящий хлеб с маслом.

– Да причем тут наряд? – окрысилась я. – Мы ж ему деньги предлагали, а не меня в пожизненное рабство.

– Могла бы глазки состроить, он бы пятьдесят тысяч куда охотнее взял.

– Не, он бы и не согласился. Измайлов – девственник, – дернула плечом второкурсница Светка. – Это всем известно. Мы его и так, и этак окучивали. А он холоден как мертвец.

– Может, у него какая-нибудь нетрадиционная ориентация? – предположила Шевченко.

– Какая-нибудь – это какая конкретно? – влез Серега.

– Сам догадайся.

– Ладно, не будем ссориться. То, что наш препод махровый гей – это понятно, иначе б давно принял экзамен, – пробасил Серега.

Я старалась не высвечивать, чтобы не обсуждать половые успехи Измайлова. А обсудить было что. Как вспомню его губы на своем теле, между ног мокнет.

ТЬфу, блин!

Овощное рагу по фирменному рецепту подруги – «кидай в кастрюлю всё подряд и перемешивай полтора часа» – обычно таяло во рту. Но сегодня кусок в горло не лез. Я так и не определилась, что испытывать из-за того, что произошло на кафедре.

Нет, было классно. Определенно.

Стыдно ли мне?..

Вроде нет. Неуютно, конечно, но обойдемся без самобичевания. В самом деле, симпатичный мужчина, который понравился мне с первого взгляда. Да, занудный до бесконечности, выложенный весь, в рубашках своих отглаженных. Одно слово – преподаватель.

Зато такой страстный...

Как общаться-то дальше? Как в глаза ему смотреть?

Почему же всё так сложно?

Я вытатила деньги Кошелева и торжественно вручила ему. Остальным парням позже раздам.

– Что делать-то будем? – Серега спрятал пять тысяч в нагрудный карман. – Брать измором?

– Подловите его в темной подворотне и намекните, что в его интересах помочь студентам, – хихикнула добрая девочка Светка.

– А выучить не хотите? – простонала Иришка. – Лодыри, блин!

Мы с Кошелевым переглянулись и покачали головами. Нет уж, какие угодно извращения, но только не зубрежка.

Ладно, надо переделать курсовик, почитать его (хотя меня клонит в сон уже на третьем абзаце), а потом решить, что делать дальше. Лекции тоже бы не помешало переписать.

Взять профессора измором?..

Хм. Займемся этим.

Всю ночь я провела за курсовой работой. Литр растворимого кофе, четыре бутерброда, металл-группа в наушниках. И бесконечный текст, щедро приправленный вычислениями.

В общем, утро подкралось незаметно.

Посмотрелась в зеркало. М-да. Глаза превратились в две узенькие щелочки, в которые не вставлялись линзы. Пришлось натянуть очки и стать похожей на девочку-отличницу.

Так, никаких платьев и каблучков. Любимые зауженные джинсы, растянутый свитер, кичка на макушке.

О да, как хорошо!

В путь!

Измайлов нашелся в лектории, где ожидал студентов для сдачи зачета. Класс пустовал, поэтому я прошмыгнула внутрь. Профессор явно напрягся, заметив мою нахальную физиономию. Его пальцы сжались в кулаки, и взгляд не выражал ничего хорошего.

Мне даже показалось, что он сейчас испепелит меня струей пламени.

– Добрый день!

– Добрый, – засомневался преподаватель.

Мы помолчали, причем я тупо забыла речь, которую готовила всю дорогу до университета.

– Это... в общем...

– Иванова, то, что случилось вчера, было громадной ошибкой, и подобного не повторится, – пресек Станислав Тимофеевич.

– Э-э-э, – растерялась я. – Хорошо. Можно курсовой проект сдать и договориться о пересдаче?

Он кивнул, взял из моих рук стопку листов, вчитался в текст. Затем, даже не перелистнув первую страницу, вновь кивнул каким-то своим мыслям и выставил ладонь:

– Давайте зачетку.

Не может быть!!!

Это чем я заслужила подобный дар небес? Неужели, наконец, соорудила внятный текст? Ура!!!

Я дрожащими пальцами вытащила зачетную книжку и протянула нетерпеливо поджавшему губы профессору.

Мне больше нравилось, когда эти губы кружили вокруг моей груди, вырисовывая по коже влажные узоры.

Ой, чего-то мысли не в ту степь ломанулись.

Ровным почерком без завитушек Измайлов выставил оценку, а рядом размашисто расписался. Я не поверила своим глазам, когда увидела цифру «четыре».

За углубленный сопромат?..

Такое вообще бывает?!

– Держите. Теперь всё?

– Д-да, – сглотнула я и вдруг осознала очевидное. – Подождите. Вы откупаетесь от меня четверкой?

– Думаете, что вчера наработали на пятерку? – съязвил Измайлов, заполняя ведомость.

– Нет... просто...

Это же унизительно. Ладно, взятка. Ничего особенного. Одни преподаватели сами озвучивают ценник, за который готовы закрыть глаза на студенческую глупость. Другие книжки свои продают. Третьи просят аудиторию отремонтировать.

Взаимовыгодное сотрудничество, вот это что.

Но теперь получается, что мне поставили «хорошо» за секс. А ведь всё было совсем не так. Никакого подтекста. Я же сама... первая... мне же понравилось, в конце-то концов.

Неужели Измайлов считает, что я из тех девиц, которые раздвигают ноги перед преподавателем ради оценки?

Впрочем, так оно и кажется со стороны. Налетела, совратила – тьфу, соблазнила! – и свалила без лишних слов.

– Не нужна мне ваша четверка, – выпалила я, злобно сверкнув глазами. – Я сопромат выучу и сдам самостоятельно!

– Это вряд ли, – хмыкнул Измайлов, взъерошив волосы. – Да не тушуйтесь, Иванова. Вы полностью отработали свою оценку. Не безукоризненно, но качественно.

Ах так?!

Мне срочно нужен репетитор, который бесплатно – или почти бесплатно – вобьет в гуманитарную голову основы сопротивления материалов.

Измайлову придет конец, ибо танк по имени «Дарья Иванова» не сдастся без боя.

Часть 2. Сила трения

Глава 1

На каждой специальности есть гуру, который идеально знает любой предмет программы и ночью перескажет его без запинки. Такой типичный зазнайка-ботаник. У строителей таким человеком стал Коперник Иван, мой однокурсник. Он жил в общежитии, носил квадратные очки и любил донимать преподавателей вопросами.

Его коронной фразой было:

– А вот в научной статье, которую я прочитал на досуге, писали следующее...

И всё. За этим следовал нудный монолог на полчаса, который не могли прервать даже преподаватели.

Мы втайне уважали Ивана за гениальность, но так же втайне ненавидели. Он никогда не давал списывать, не соглашался на деньги и вообще вел образ жизни отшельника. Коперник даже смотрел на нас с презрением как на низшие организмы пищевой цепи.

– Ваня, спасай! – кинулась я к нему в коридоре, заметив, что вечно сутулящийся Коперник направляется в уборную с журналом по квантовой физике.

Он отшатнулся от меня как от прокаженной.

– Иванова, ты чего?..

– Я срочно должна вызубрить сопромат!

– Его невозможно вызубрить, – покачал головой Иван, подняв вверх указательный палец. – Точными науками нужно жить, дышать ими, если ты понимаешь.

– Не понимаю, но очень хочу понять, – я схватила Коперника под локоток и потащила в его комнату. – Миленький, Ванечка, только ты можешь мне помочь. Я безнадежна, но ты же такой умненький, такой замечательный...

Со стороны казалось, что я как минимум веду его насиловать, а как максимум – убивать. Иван упирался руками и ногами, мычал что-то невразумительное и пытался отбиться от меня журнальчиком.

Я впихнула Коперника в спальню и усадила на кровать, с удовлетворением отметив, что соседей нет. Можно нормально поговорить.

– Пойми, мне без тебя не справиться. Это дело чести.

– Какой? – Он поправил очки.

– Поруганной, какой ещё, – брякнула раздраженно. – Чего тебе стоит взяться за меня? Я способная ученица.

– Это вред ли.

Так, он всё ближе к тому, чтобы получить в жбан.

– Что тебе дать? Деньги? Хочешь, готовить буду до пятого курса? Ежедневно убираться, а?

– Не-а, я ем только экологически чистые продукты, которые тушу в пароварке, – принялся нудить Коперник. – Наводить порядок тоже предпочитаю сам. Видел, какой свинарник в женском крыле. Женщине вообще нельзя ничего доверять. Вы бесполезны во всем, кроме деторождения.

Мне остро захотелось стукнуть Ивана по заумной башке – ой, простите, голове, – чтобы сбить с него спесь. Нельзя же быть таким занудным. Аж зубы сводит.

По-моему, до паренька дошло, что ещё немного, и миролюбивая Дашенька Иванова превратится в злобную фурию, которая закопает Ванюшу под окнами общаги.

– Вообще-то есть кое-что, чего бы я хотел, – он призадумался.

– ЧТО?!

– Познакомь меня с Шевченко Иррой, – Коперник молниеносно покрылся пунцовой краской. – Вы же дружите. В смысле, не просто познакомь, а чтоб она на свидание со мной сходила. Вот так номер, чтоб я помер!

Ивану нравится моя Ирка? Нет, она девчонка знойная, и парни штабелями ложатся у её ног. Да только про Иркину принципиальность можно легенды слагать. Она со всеми дружит и никому не дается. Ни в прямом, ни в переносном смыслах.

Чтобы вытащить Иришку на свидание, надо уметь нечто этакое. Огонь изрыгать или саблю глотать, не знаю.

Даже если я попрошу Шевченко сделать исключение ради меня, она не согласится. Или согласится, но потом сожрет мне мозги чайной ложечкой.

Ох, тяжело нам придется.

– Э нет, Ванюша, тут одним знакомством не отделаешься, – решила я. – Хочешь покорить Иришку?

– Допустим.

– Тогда предлагаю взаимовыгодный обмен: ты обучаешь меня сопромату, а я тебя основам соблазнения Шевченко.

– Звучит как-то неравноценно. Получается, я должен тратить время на то, чтобы вбить в твою голову хоть что-то, а ты просто научишь меня быть парнем? – он скептически цокнул языком. – Что там сложного? Цветы дарить, в кино приглашать.

– Коперник, ты себя в зеркале вообще видел? Общался когда-нибудь с собой наедине? Ещё непонятно, чья задача сложнее. Я-то сопромат способна заучить, а вот понравиться Иришке... Впрочем, как знаешь.

Он шумно задышал, борясь с внутренними принципами. Я прям слышала, как рушатся стены его неподкупности. Одна за другой. Бам-бам-бам.

– Решено. Сопромат в обмен на Иру.

– Вот и умница, – я отослала Ивану воздушный поцелуй. – Готова провести вводную лекцию прямо сейчас.

– погоди, дай возьму тетрадь, – засуетился горе-любовник.

– Ты чокнулся?! Какая тетрадь? Тут слушать надо, а не записывать. – Я силой усадила Коперника обратно на кровать. – Итак, Ванюша, запомни. Никогда, ни при каких условиях не называй женщину бесполезным существом.

– Но если это правда, – обиделся он.

Видимо, обучение предстояло долгое и тернистое.

Первое занятие кончилось поздним вечером, когда мы с Иваном окончательно истрепали друг другу нервы. Напоследок Коперник загрузил меня домашней работой, а именно учебниками «для чайников», с которыми я должна была ознакомиться к следующему разу.

Как можно ознакомиться с учебником в пятьсот страниц?

Вот и я не знаю.

Жаль, что нельзя позаимствовать голову Ивана на денек, показать Измайлову высший пилотаж, а затем вновь стать нормальным человеком, не обремененным сопроматом.

– Даш, у меня к тебе личный разговор, – загадочно сказала Иришка, стоило мне переступить порог спальни. – Как тебе Сережа Кошелев?

– Ну, он...

Я глубоко задумалась, потому что никаких эпитетов не рождалось. Какой он? Обыкновенный, вот какой. Не совсем придурочный.

– Мне кажется, я ему нравлюсь, – Иришка принялась от волнения заплетать волосы в косу. – Да и он такой... Смешит меня постоянно, вчера помог продукты из магазина дотащить. Может быть, у нас что-нибудь получится?

– Не вздумай! – ужаснулась я, представив, как по общежитию начинают ходить слухи о бурном романе Иришки с Серегой, и Коперник посылает меня лесом.

– В смысле? – Шевченко напряглась.

– Ты Кошелева, что ль, не знаешь? Да он поиграет с тобой и бросит. Как Маринку. Вон, девица до сих пор от стресса не отошла.

– Почему не отошла? Она ж замуж выскочила неделю назад. Ой, Сережа пишет. Как будто чувствует, что мы про него говорим!

Телефон Шевченко завибрировал, и Иришка схватилась за него, глупо улыбаясь. Я вырвала мобильный из её рук и убрала на верхнюю полку шкафа. От греха подальше.

– Поэтому и не отошла, что скоропостижно выскочила замуж ровнехонько после отношений с Серегой, – важно сообщила я. – Знаешь что? Нельзя встречаться с кем попало. Пообщайтесь немного, но без свиданий и прочих непристойностей. Нечего тут разврат устраивать.

Наверное, так поступать не по-дружески. Но Кошелев ещё успеет обрести своё счастье – возможно, даже с Шевченко, ибо запреты сближают, – а мне позарез нужно вызубрить сопромат. Вряд ли неподкупный Иван согласится закадрить более сговорчивую девушку.

Буквально несколько недель форы, и всё.

Ну, пожалуйста!

– Может, ты и права. – Иришка вздохнула. – Я готова на любого мужика кинуться, так устала от одиночества.

«Вот и кидайся на Коперника, он в таком восторге будет, что отдастся мне в рабство до самого диплома», – подумала я безрадостно.

– Потерпи немного. Твой идеальный парень где-то рядом.

На том и порешали.

Разумеется, я мучилась совестью из-за того, что соврала подруге ради своей выгоды. С другой стороны, Серега тот ещё балбес. Привык жить за родительский счет, кичится новеньким айфоном, выкладывает фотографии своего накачанного торса. Целей жизненных никаких, только футбол и компьютерные игры.

Пусть Ванюша Коперник и не завидный жених, но куда интереснее простого как три копейки Кошелева.

Ну а Серега всегда может доказать свои чувства поступками, коль уж Иришка запала ему в душу. А то пришел на всё готовенькое, разок дотащил покупки. И всё. Герой-любownik.

Вот уж нет.

Пусть победит сильнейший!

Если вы думаете, что моя оценка по сопромату осталась тайной, покрытой мраком, то глубоко ошибаетесь. Ибо всё, что становится известно девочкам из деканата, мигом разлетается по университету. Вечером того же дня меня отловили после душевой Кошелев с Семеновым и приперли к стенке.

– У тебя единственной на потоке четверка, – подозрительно сказал Серега. – Не считая Коперника, но тот уникум, у него не голова, а компьютер.

– Ой, да? Неужели? – изобразила дурочку. – Ничего себе!

– Даша, что ты сделала, что тебе поставили четыре? – на лице Миши отразились признаки глубокой задумчивости.

Поверь, лапочка, ты бы не хотел получить оценку *таким* способом.

– Выучила сопромат, всего-то, – пожала плечами и повыше натянула полотенце, в которое была завернута.

Уж больно задумчиво на него посматривал Семенов, словно мысленно уже стянул и выбросил.

– За ночь? – Кошелев скривился. – Бреешь.

– Вот те крест, – фыркнула я, пытаюсь вывернуться от двух дознавателей.

Фигушки. Серега вцепился в меня как клещ:

– Ну и что он тебя спрашивал?

– Вторую теорию... – замолкла, понимая, что забыла, о какой второй теории говорил Измайлов.

– То же самое, что на прошлой пересдаче? – засомневался Кошелев.

– Угу.

– Напомни-ка, в чем она заключается?

– Квадрат длины гипотенузы равен сумме квадратов катетов.

– О-о-о, прикольно, – покивал Миша, не сводя голодного взгляда с моей шеи, по которой стекали капельки воды.

– Семенов, ты придурок озабоченный, – Серега пихнул его в бок. – Это теорема Пифагора. А ты, Иванова, шуточки свои оставь при себе. Я выведу тебя на чистую воду.

– И я, – поддакнул Семенов, сглатывая.

– Валяйте, – разрешила я, царственно удалившись.

Делать мне нечего, только тратить время на двух уникалов. Серега хотя бы не глупый, просто ленивый невероятно, а вот Миша... парень беззлобный, зато в голове у него катается одинокое перекаати-поле под завывания ветра.

Соорудив два гигантских бутерброда с колбасой и сыром, щедро залитых майонезом, я уселась за изучение сопромата для чайников. Иришка только покачала головой:

– В одном таком бутерброде тысяча калорий.

– Значит, во мне скоро будет две тысячи калорий. Ир, не мешай грызть гранит науки. – Перевернула первую страницу. – Мне и так сложно.

Подруга не ответила, только скептически фыркнула. Ну а я погрузилась в мир формул и определений.

Не представляю, что творится в гениальной голове Коперника, но в моей через полчаса стало очень пусто. Вместо того, чтобы заполняться знаниями, она включила программу очистки.

Я отложила учебник, размяла затекшие плечи. Так, первая глава успешно пройдена. Можно и поспать. Глаза слипаются, и в голове жужжит.

– Такими темпами ты сдашь экзамен к пятому курсу, – съязвила Иришка, наблюдая за тем, как уютно я укладываюсь в постельку.

– Да я уже сдала, – сонно промычала я, проваливаясь в сон. – А ещё переспала с Измайловым... мне понравилось...

– Чего?! Эй?! Даша, проснись! Даша, что ты сказала?!!!

Шевченко кричала и теребила меня за плечо, но всё впустую. Меня сморил крепкий сон, какой бывает только после чтения непонятного, пугающего материала по сопромату.

Глава 2

Субботнее утро могло бы стать прекрасным за последние недели. С утра никаких экзаменов, только в полдень зачет по философии, который я получила «автоматом», а поэтому просто должна была проставить в зачетке.

Философию я не знала от слова «никак», но её преподавала ярая феминистка, всем своим естеством отрицающая мужчин – в ВУЗе, полном мужиков, ага, – а потому испытывала ко мне особое уважение. Она даже среди философов выделяла немногочисленных женщин из уважения к нашему полу.

Ходили слухи, что она была лесбиянкой. Но почему любая женщина, которая коротко стрижется и носит брюки, сразу зачисляется в ряды ЛГБТ-сообщества?

Бред!

В общем, сегодняшний день мог стать идеальным. Если бы не соседка-цербер, которая нависла надо мной в восемь часов и не рывкнула на ухо:

– Подъем!

Я подскочила с мыслью: «Пожар, наводнение, ядерная война!!!» Что ещё могло заставить сову-Шевченко подняться ни свет ни заря? Да она на пары не ходила, если те начинались раньше десяти утра.

– Мы горим? – Осоловело осмотрелась.

– Насчет тебя не в курсе, а я точно полыхаю. Вся извелась, ночь не спала. – Иришка скрестила на груди руки. – Зачем ты переспала с профессором?

– С чего ты взяла? – Мои глаза округлились.

О чем мы вчера общались? Помню, как рухнула на кровать и заснула сном младенца. Глубоким таким, без сновидений. В какой момент я умудрилась выдать военную тайну?

– О, нет! – застонала она. – Вы точно переспали... Дашка, ты продавалась за пятерку?

«Вообще-то за четверку», – чуть не ляпнула, но вовремя осеклась.

– Ир, ты бредишь. Ни с кем не спала и не собираюсь.

– Чем докажешь?

– Как, по-твоему, я смогу доказать, что ни с кем не спала? Показать, как покрылась пылью в том самом месте? Спроси Измайлова, если не веришь.

Она надулась точно маленький воздушный шарик. Видимо, идти к преподавателю с глупыми вопросами – вы случайно на днях не развлекались со студенткой? – ей не хотелось.

– Клянешься?

– Честное пионерское.

И всё. С той секунды утро не заладилось. Шевченко смотрела волком. Голодным до сплетен, отощавшим волком, с острыми клыками и хваткой майора ФСБ.

Ну а я изображала ветошь и лежала с сопроматом, думая о том, что ещё не поздно перевестись на юридический факультет.

А потом, когда Иришка начала скрежетать зубами и буравить меня взглядом, от греха подальше свалила в университет.

Будто бы специально, преподша по философии (как это сократить?) морозила меня до последнего. Так и сказала:

– Посидите, вам всё равно не о чем беспокоиться.

В итоге я залипала с телефоном под стенания товарищей по несчастью, которые про философию знали только то, что она никогда им в жизни не пригодится.

Зловредная преподша опросила каждого, не скупясь на вопросы типа: «А как вы сами оцениваете учения Зигмунда Фрейда?» Парни покрывались испариной и мычали нечто вразумительное.

Но вскоре их муки были закончены, и мы остались с философиейшей наедине.

– Дарья, вы удивительно способная ученица, – улыбнулась она мне. – Поражаюсь тому, сколько талантов в вас скрыто.

– Э, да?

– Разумеется. Единственная девушка на потоке, которая сражается с мужским шовинизмом... это так заводит...

Что-что делает?..

Мои глаза медленно, но верно поползли на лоб, а дьявол-искуситель в юбке облизала губы. Неторопливо, словно смакуя момент.

Так, подождите, я не буду спать ещё с одним преподавателем. Блин. Не так! Я вообще не буду спать ни с одним преподавателем, в особенности – с престарелой лесбиянкой-феминисткой.

Всё-таки слухи не ввали!

Такое чувство, что Измайлов объявил всему преподавательскому составу во главе с ректором: Иванова готова отлюбить вас за еду зачет.

– Кажется, мне пора идти, – пискнула я, когда в зачетке появилась долгожданная роспись.

– Дарья, помните: мой кабинет всегда открыт для вас. В любое время. Ночью и днем. Женщины должны поддерживать друг друга в мире угнетателей-мужчин.

Она поднялась со стула, и я ломанулась к выходу, заплетаясь в ногах, подгоняемая жаждой выживания и здравым смыслом.

– Дарья, подождите...

– Очень спешу!!!

Мне казалось, что философийша следовала по пятам. Её тяжелые шаги отдавались в ушах, а когда я обернулась, то увидела, как она идет следом и улыбается себе под нос.

Прямо как в триллерах. С той разницей, что сейчас мне грозила далеко не смерть...

Надо срочно прятаться.

О, туалет.

Я нырнула внутрь и рывкнула на какого-то парня, который с гоготом заметил, что туалет вообще-то мужской. Тем лучше, меньше шансов попасться. Трех мальчишек тут же вынесло прочь, причем один на ходу застегивал джинсы. Пф, слабаки.

Я закрыла дверь и сползла по стенке. Кошмар. Кто бы подозревал, что зачет по философии обернется таким стрессом.

– Эй! – Дернула за ручку... и та отвалилась, оказавшись в моих руках.

Я оказалась заперта. В туалете. В мужском. Вашу ж мать.

Первые несколько минут я пыталась спастись самостоятельно, подколупнуть защелку или вставить ручку обратно. Не получилось. Строитель из меня, прямо скажем, не очень.

Ну и что делать?

Особо и не поорешь, ибо возникнут логичные вопросы: на кой фиг я туда приплелась и зачем запиралась изнутри?

Я затаилась и хотела уже спрятаться в кабинке, чтобы вынырнуть наружу, когда кто-нибудь войдет внутрь, но не успела. Потому что дверь пнули снаружи. Резким, быстрым движением, заставившим меня отпрыгнуть к раковинам.

Несколько секунд между коридором и туалетом царил гробовое молчание, потому что на меня смотрел профессор Измайлов. Этот нахальный гад не выглядел обескураженным, скорее его рожа озарилась пониманием. Мол, а где ещё оказаться нерадивой козе-Ивановой, если не в мужском туалете?

– Вы что тут делаете? – процедила сквозь зубы, когда гляделки совсем уж затянулись.

– А вы? – парировал он. – Это мужской туалет, сюда принято ходить по нужде. Какая у вас нужда, Дашенька?

Измайлов, будто нисколько не смущаясь, вошел в кабинку, ещё и не закрыл за собой дверь. Эй, вот давайте без аморальностей! Но демон в облике преподавателя не спешил заняться тем самым делом, ради которого в туалеты и ходят. Он глянул через плечо.

– Вы всё ещё здесь?

– Ага...

Ноги примерзли к полу. Мне хотелось сказать какую-нибудь гадость и уйти победительницей, но гадостей в голову не лезло. Только всякие дурацкие фразы типа «Сам дурак!!!» или «Ненавижу и вас, и сопромат».

– До сих пор не ушли? – Измайлов принялся неторопливо расстегивать ширинку.

– Перестаньте, – нахмурилась я.

– Вы же понимаете, что сюда в любую минуту могут войти студенты и увидеть, как вы подсматриваете за преподавателем. Вуайеризм вас не красит, Иванова.

И правда, пора сваливать. Я развернулась и с видом человека, который сам решает, что и когда ему делать, двинулась к выходу. Ноги при этом подкашивались.

– Кстати, как продвигается ваше изучение основ сопромата? – вдогонку крикнул Измайлов. – Достигли просветления?

Ответом ему стала хлопнувшая дверь.

Итак, Даша. По всему получается, что Станислав Тимофеевич прав. Ты – злостная вуайеристка, потому что любая приличная девушка сбежала бы из мужского туалета сразу же, как её выпустили на волю. А ты зачем-то осталась.

Зачем?

Впрочем, всё не так плохо. На этой неделе экзекуции кончены, можно бежать в общагу. Во вторник сдам последний экзамен и неделю буду валяться в кровати. Какое счастье, что на время сессии дается учебный отпуск, и в кафе меня ждут только в начале февраля!

Идеально.

Увы, моим радужным планам не суждено было сбыться.

Как минимум потому, что я забыла телефон в кабинете философии (о чем и хотела сообщить преподша). Я вернулась туда и смачно краснела, пока философийша рассказывала о том, как тяжело женщине выжить в мире непонимания и мужчин.

Преподаватель по строительной механике задерживался. Что странно: обычно он приходил за полчаса до пары и выгонял тех, кто опаздывал хотя бы на минуту. Старая закалка, чтоб её.

Зато он был стар, глух на левое ухо и подслеповат, и получить у него экзамен могла даже обезьянка. Мы разложили по партам шпаргалки, достали телефоны. Иными словами, полноценно приготовились к сдаче.

Дверь приоткрылась, впуская... Станислава Тимофеевича. В черной рубашке, с дипломатом. Я переглянулась с Кошелевым, лицо которого вытянулось.

– Добрый день! – Преподаватель смерил нас внимательным взглядом из-под очков. – К сожалению, Дмитрий Петрович приболел, поэтому экзамен буду принимать я. Тяните билеты.

Как вы понимаете, шпаргалки пришлось быстренько убрать. Измайлов неустанно бдел за тем, чтобы ладони страдалцев – то есть нас – лежали на столах.

Тиран и деспот, что с него взять.

Мне достались один нормальный вопрос, один ненормальный и задача, при виде которой хотелось плакать. Полчаса мучений, но в голове так и не родилось ничего путного.

Что же делать?..

– Иванова, присаживайтесь, – раздалось громом среди ясного неба. – Будьте спокойны, я не кусаюсь.

Группа выдохнула. Никто не хотел идти первым, а тут такая удача – жертву выбрал сам преподаватель. Я села напротив Измайлова и задумалась о том, как ему идет эта трехдневная щетина. Как по ней хочется провести пальцами, чтобы убедиться, что под колючестью горячая кожа.

Ой.

Даша, очнись!

– Что ж, Иванова, вы продемонстрировали такие познания в углубленном сопромате, что строительная механика должна быть для вас очевидна. Начинайте.

Ещё и издевается...

Моего запала хватило ненадолго. На первый вопрос худо-бедно ответила, зато на втором потонула, а задачу даже не смогла правильно перерисовать.

– Это такая слабая тройка, что почти двойка, – вздохнул Станислав Тимофеевич. – Может, ещё что-нибудь расскажете? Вы же смогли наработать на «хорошо» в прошлый раз. Нет? Тогда пересдача в четверг, – он пробежался взглядом по кабинету и добавил: – Кошелев, чего скучаете? Готовы отвечать? Иванова, освободите стул.

Да что за издевательство!

Ещё и опять сделал акцент на том, как конкретно мне досталась четверка.

Психуя и мечтая сжечь невыносимого преподавателя, который почему-то решил, что может сначала воспользоваться мною, а затем насмехаться, я рванула из аудитории.

Глаза застилали слезы.

Да, меня душила обида. Потому что я не сделала Измайлову ничего плохого. Тот раз, когда я потеряла рассудок от страсти, был добровольным. Мы оба этого хотели. Мы оба задыхались от желания, что рвалось наружу.

Будто он не срывал с меня одежду. Будто это не его пальцы оглаживали внутреннюю сторону моих бедер.

Почему тогда он ведет себя так, будто я натворила что-то непростительное?

Строит обиженного и оскорбленного.

Козел!

Ноги сами понесли меня обратно в аудиторию. Злоба застилала глаза кровавым маревом, и дверь я открыла с ноги. Измайлов даже не повернулся, будто разъяренные студентки ежедневно врывались к нему на экзамен.

– Знаете что, Станислав Тимофеевич? – Я опасно надвинулась на своего мучителя. – Подавитесь вы своей четверкой по сопромату. Мне плевать, что вы себе надумали. Засуньте её себе в...

Я бы с удовольствием закончила фразу. А что? Пусть Измайлов знает путь, по которому его ждут. К сожалению, не смогла. Кошелев оперативно вскочил со стула и пинками оттащил моё брыкающееся тельце к выходу.

– Иванова, закрой рот, – прошипел он, тряхнув меня за плечи. – Ты хочешь, чтобы этот упырь совсем озверел и опять всех нас прокатил с экзаменом?

– Да начхать! Почему он издевается надо мной?! Чем я заслужила?..

– Потому что ты реагируешь на его выпады, – Серега притянул меня к груди и похлопал по спине. – Ну-ну, прекращай. Такие, как ты, не плачут.

– Такие – это какие? – оскорбилась я.

Ущербные? Глупые? Неадекватные?

– Сильные и независимые женщины, – улыбнулся Кошелев. – Всё, проваливай. Вечером приду с вином и чипсами. Будем заедать твоё горе. Договорились?

– Ага...

Он ушел, а я осталась стоять посреди коридора, всхлипывая и думая о том, что не хочу быть сильной. Мне так нравилось чувствовать слабость. Нравилось таять в руках. Нравилось задышаться от ласки и ощущать, как внизу живота полыхает пожар.

Мне нравилось принадлежать мужчине, который только что в очередной раз втоптал меня в грязь.

На моей кровати лежал плюшевый мишка, весь вид которого выражал крайнюю степень психического расстройства. Левый глаз косил, бледно-розовый язык вывалился изо рта. В лапах медведь держал кособокое сердечко.

Я подняла чудовище и увидела под его задницей записку:

Мишка от Мишки. Сходим на свидание?

– Это кто притащил? – уточнила, смутно догадываясь, какой именно «Мишка» может быть замешан в подобной пакости.

– Тайный поклонник, – хихикнула Иришка, но тут же спалилась. – Миша Семенов заходил. Топтался на пороге полчаса, потом медведя укладывал во всякие позы. По-моему, кое-кто втюрился в тебя по самые уши. Только мне кажется, что он опоздал, ибо сердечко Дарьи занято кем-то другим?

Я посмотрела на неё с испугом. Она мои мысли читает или на днях я сказанула ещё какую-нибудь откровенность про свои чувства к козлу-недоноску по имени Станислав Тимофеевич?

– С чего ты взяла?..

– Ой, да проще простого. Пропадаешь где-то вечерами, возвращаешься никакая, сразу падаешь спать. Мне ничего не рассказываешь. Якобы сопромат учишь, но я-то понимаю, что это отговорки. Кто твоя зазноба, детка?

Уф, значит, Иришка не догадалась о моей болезни по имени «Измайлов Станислав», а всего лишь решила, что нас с Коперником связывает нечто большее, чем сотрудничество.

Ох, нет. Тот парень неплохой, хоть и выглядит как кошмарный сон любого качка, да только влюбиться в него нереально. Его ещё обтесывать и обтесывать до состояния человека.

Кстати, про неплохого парня. На телефоне очень своевременно высветилось сообщение от Ивана.

Даша, ты ужасно непунктуальна. Наше занятие началось тринадцать минут назад, а тебя всё нет. Если не придешь через две минуты – я расторгаю договор.

– Извини, Ир. Мне нужно бежать! – С этими словами я схватила телефон и рванула из комнаты.

Про договор – это, конечно, сильно сказано. Но в том, что Ванюша откажется от меня, можно не сомневаться. Он же такой. Мерзкий и принципиальный.

Я влетела в его комнату, задыхаясь как человек, за которым гнался дикий зверь.

– Неужели успела? – хмыкнул Коперник и быстренько захлопнул крышку ноутбука.

– А ты сомневался? – я плюхнулась рядом с Ваней и открыла ноутбук вновь. – Чего смотришь?

На мониторе загорелся заголовок: «Уроки соблазнения от Мастера Кирилла. Часть 1. Вводная».

С видео на нас взирал прыщавый патлатый подросток, по глазам которого читалось, что дальше теории в соблазнении он не продвинулся (и не продвинется, если продолжит мыть и волосы, и тело, и лицо хозяйственным мылом).

Да уж, непревзойденный мастер. Ас. Кирилл Великий. Я прыснула и закрыла страничку.

Нечего засорять голову всякой чушью. Давайте лучше перейдем к приятному и полезному.

Пальцы вбили имя в социальную сеть, и вскоре на нас с фотографии взирала счастливая Ира, сидящая на скамейке в парке.

– Итак, продолжим изучать азы соблазнения. Перед нами Ирина Шевченко. Что ты можешь про неё сказать?

Коперник уставился влюбленными глазами на объект вожделения.

– Она очень красивая...

– Вот-вот. А теперь посмотри на себя. Что ты видишь?

– Ну и что со мной не так? – оскорбился до глубины души мой ученик. – Ты-то, конечно, много знаешь про то, как нужно выглядеть.

Я окинула Ивана взглядом снизу-вверх. Вельветовые штаны. Растянутый свитер, из-под которого выглядывает воротничок старчески-серой рубашки. Квадратные очки на половину лица. Раздражение от бритвы на щеках. Ванюша был хорошим мальчиком. Таким правильным-правильным. Каноничным.

Хорошие мальчики носят свитера поверх рубашек, пусть даже и потеют в них. У хороших мальчиков не должно быть щетины.

Таких мальчиков-зайчиков обожают исключительно мамы.

Таким мальчикам никто никогда не дает. Ибо девочки любят колючую щетину и не любят, когда от парня воняет потом.

– Всё не так, Ванюша. Я бы даже сказала: ты целиком не такой, как надо. Ещё и хамишь девушкам, которые тебе добра желают. А теперь приступим к деталям.

Ладно, мы научим Коперника легкому раздолбайству, которое так нравится слабому полу.

Если за дело взялась Иванова Даша – быть беде!

Глава 3

Как понять, что тебе срочно нужен парень?

Тебе начинает сниться Станислав Измайлов. Он стоит обнаженный после душа, и капельки влаги блестят на его смуглом теле. Руки, перевитые мышцами, покоятся на мощной груди.

Ты обводишь языком кубики его пресса, скользишь ниже и касаешься губами сосредоточия его желания. Горячего, жаждущего. Сильного.

Измайлов издает слабый рык, на который твоё тело отзывается мучительной судорогой. Тихий стон срывается с твоих губ, когда он разворачивает тебя спиной и входит грубым толчком.

В эту секунду ты просыпаешься.

С мыслью: «Твою ж мать!»

Я распахнула глаза и долго пялилась в потолок, откинув одеяло, которое не грело, но жарило разгоряченное тело. Дикое возбуждение не утихало. На соседней кровати дрыхла Шевченко, уткнувшись лицом в подушку.

Сердце заходило частым биением, и я не могла утихомирить его. Сколько ни повторяла себе, что Станислав Измайлов – мерзавец, ненавистный мною. Сколько ни вспоминала его вечное ехидство и презрение.

Сердце всё равно выстукивало мелодию того, какое наслаждение дарили его губы... и руки...

Надо срочно заняться чем-нибудь полезным.

Даже сомнений быть не могло: чем именно.

Бег спасал меня в самые тяжелые минуты жизни. Иногда казалось, что хуже быть не может. Всё кончено. Тогда я надевала любимые тренировочные кроссовки и бежала. Вокруг общежития и парка. Оббегала квартал. Переводила дыхание у стоячей воды канала, что протекал в пяти километрах от общаги.

И неслась обратно.

Иришка не понимала, как я умудряюсь бегать зимой или в дождь. А я ловила какой-то сумасшедший кайф от того, что уматывала себя в край.

Вот и сейчас я тихонечко достала одежду, врубил в наушниках музыку.

Пора!

К сожалению, мой настрой был нагло испорчен. На «черной» лестнице, по которой я собиралась спуститься, стоял грустный Коперник. В пижаме. Встрепанный. Одинокий.

– Ты чего? – удивилась я.

– Не твоего ума дело, – он включил режим злюки.

– Всё, что ты происходит с тобой, дело моего ума. Рассказывай.

Иван помялся, переступил с ноги на ногу.

– Мысли какие-то идиотские лезут после нашего вчерашнего разговора. Мне кажется, Ира меня никогда не полюбит. Вот пытался закурить, – он показал измочаленную сигарету, – а не смог. Я такое не умею. Понимаешь? Прочитал научную статью, что курение активизирует мозговые процессы. А всё равно никак.

Фига себе. Радикально он решил поменяться. Из поборника здорового образа жизни до курильщика.

– Есть спортивная форма? – смирилась я с тем, что отделаться от Ванюши не удастся.

– Ага.

– Даю тебе пять минут. Будем выгонять дурные мысли самым простым способом – изнурять тело тренировками. Носки теплые надень! И кофту под балахон! На улице холодно.

Короче говоря, вскоре ко мне вышла капуста, укутанная в четыре слоя вещей.

Ну, лучше так, чем заболеть и умереть в самом рассвете сил, так и не познав женской любви.

Бег с Ваней был долгим и нудным, ибо неспортивный Коперник задохнулся уже через две минуты и просто стоял, согнувшись и издавая звуки полумертвого кита. Я носилась трусцой около него, проклиная своё добродушие.

– Давай, слабак!

Щеки мерзли, и изо рта струился пар.

– Я не могу... – прохрипел Ванюша и протер запотевшие очки. – Можно мне пойти домой?

– Хочешь покорить Иру? – Он осторожно кивнул. – Тогда тренируйся! Девушки любят спортсменов, а не курильщиков! Догоняй!

Я побежала к перекрестку, думая о том, как все-таки хорошо глубокой ночью, когда улицы пусты, и лишь одинокие машины проносятся по шоссе, взрезая тишину.

Где-то вдалеке так громко пыхтел Коперник, что грозился перебудить ближайшие дома. Причем он мог уже идти, а не бежать, ибо я сбросила скорость под ноль.

Впрочем, вдвоем было как-то легче. Не так остро давило одиночество.

– А ты чего бегаешь посреди ночи? – Ванюша поравнялся со мной. – Какие думы гложут юное сердце?

Вот он поэт доморощенный. Откуда в технической голове берется подобная ересь?

– Просто люблю бегать, – пожал плечами. – Расслабляет, знаешь ли.

– Чувь собачья. Ты с таким лицом выходила, будто тебя призраки преследуют, – он запыхтел сильнее и отдалился; я намеренно ускорила. – Ну и ладно. Не хочешь – не говори!

– Не хочу, – проворчала себе под нос.

Думать даже не хочу о том, что может заставить сорваться в ночи с кровати. Думать не хочу о том, кто способен вырывать дыхание из груди. О губах его дьявольских и усмешке вечной.

О том, как он решил, будто я – такая меркантильная дрянь, что отдалась за оценку. Мол, раз взяток не берешь, так меня возьми. Тепленькую.

Как ему в голову такое пришло?..

И что, теперь он всякий раз будет неоднозначно намекать, что моя оценка – позорище? Что он, весь такой замечательный, поддался инстинктам, а потому я хожу с незаслуженной четверкой?

Я не выдержала и разревелась. Горько так, безысходно. От гадливости к самой себе и тому, что в глазах Измайлова я теперь – обыкновенная давалка.

– Ты чего?.. – Коперник потряс меня за плечо.

Даже не заметила, как остановилась и уткнула лицо в ладони.

– Нормально всё.

– Иванова... Дашка... Да прекращай ты. Не плачь. На морозе это небезопасно. Лицо распухнет, потом страшная будешь ходить, – задумался и сам продолжил: – Блин, я не умею женщин успокаивать. В научных статьях об этом редко пишут, разве что с точки зрения психиатрии.

Я истерично хихикала, но реветь не прекратила.

– Даш, прекращай. Не знаю, что у тебя случилось, но ты нормальная... хоть и девушка.

– Ванюш, ты лучший. Честно.

Плакать после такого комплимента не получалось. Я отпустила измученного Коперника на боковую, а сама навернула небольшой кружок и вернулась в общежитие. Иришка даже не проснулась – вот что значит здоровый сон.

Черт с ним, с Измайловым. Пусть он подавится своим ехидством и оценками бесценными.

Не нужен он мне. Вообще. Ни капельки.

Я даже дам шанс Мише Семенову и схожу с ним на свидание. В доказательство того, что равнодушна ко всяким козлам типа Станислава Тимофеевича.

Миша Семенов всегда вызывал у меня уважение. За легкость в отношении к жизни и полное отсутствие негатива. Кажется, он вообще не умел злиться. Даже когда какой-то идиот назвал Мишу жирным боровом, Семенов вначале сломал ему руку, а затем извинился.

Вот такой он душка.

Своим парнем я его не видела даже в самых нереальных фантазиях. Не, ему нужна домашняя девушка, которая будет встречать Мишу с кастрюлей борща и подносом пирожков. Да и я хочу от парня не только мужественности, но и мозгов. Хотя бы капельку.

Но ради такого случая я даже вырядилась как девочка. Каблуки у Иришки выпросила (будто одного печального опыта не хватило), заплела волосы в косу. Даже накрасила губы в какой-то развратный красный цвет.

Мы встретились в торговом центре. Миша почесал в затылке и глубокомысленно изрек:

– Ну что, в кинцо?

– Ага. Только билет возьму себе сама.

Он как-то понурился, но согласился. А что? Некоторые парни так и считают: сводил в кинотеатр (или поставил четверку), и ты ему должна по самые помидоры.

Нет уж.

Миша купил гигантское ведро попкорна и, абсолютно счастливый, начал хомячить, стоило нам рассестись по местам. Большой ребенок, что с него взять?

– Измайлов – уродец, скажи? – буркнул он.

О, да ладно! В Семенове есть неприязнь к кому-либо?

– Чего это ты вдруг так категоричен?

– Он со вторым экзаменом прокатил. У меня вместе с ним уже пять долгов. И что делать? Отчисляться? В деканате сказали, что терпеть не будут, блин.

– А ты хочешь быть инженером?

– Не-а. Я мечтаю в автомастерской работать, – признался Миша, надув пухлые щеки. – Летом подрабатывал, так это, до сих пор штырит.

– Как тебя вообще занесло на наш факультет? Это ж... не твоё.

Это я так завуалировала фразу: «Я хоть и дубовая во всей строительной специфике, но ты гораздо хуже».

– Мамка заставила. Сказала, что дед был технологом, брат её инженером, а я типа не должен выделяться. Нам в семье работяги не нужны, вот.

М-да. Вот так из-за родительских амбиций страдают дети. До третьего курса Семенов худо-бедно перевалился, но каждая сессия давалась ему нелегко. Он старательно учился, но смысла в этом не было никакого, потому что в одно ухо Миши влетал материал, а из другого со свистом выскакивал.

А мог бы работать мастером, чинить автомобили и получать кайф.

Жаль.

Впрочем, не мне говорить о хотелках. Я тоже не грезил инженерной специальностью, но отец был непреклонен: только этот ВУЗ и только эта профессия. «Иначе ты нам больше не дочь», – так он сказал, стоило мне психануть и отказаться от поступления.

Помню, что я тогда глянула на маму в поисках поддержки, а она только руками развела. За всех всегда решал папа.

«Ты ещё мне спасибо скажешь», – предрекал он, когда усаживал меня на поезд.

А я думала, что больше не хочу возвращаться домой...

–Ничего, доучишься – тебя в любом сервисе с руками оторвут, – улыбнулась я Мише.

Тот кивнул и задумчиво принялся жевать попкорн.

Кончились трейлеры, и на экране появилась заставка киностудии. Только сейчас я задумалась: а на какой фильм мы, собственно, пришли?

Судя по тому, что в первой сцене кого-то застрелили – точно не комедия.

Семенов про меня вообще забыл, увлеченный зрелищем. Я искренне пыталась получать удовольствие, но сюжет был простым как три копейки, в кадре постоянно мелькали обнаженные женщины, а герой очень пафосно говорил о том, что он – сама смерть.

Короче говоря, на десятой минуте меня пробрало на смех, а с двадцатой я смеялась в голос.

Поползновений – которых я опасалась – тоже не случилось. Миша вообще был идеальным компаньоном, ибо попкорном делился, а за коленки не лапал. Ну а посреди сеанса ему пришла СМС. Семенов долго читал её, а потом сказал:

– Мне как бы бежать надо, парни просят с переездом помочь. Ты это, сама досмотришь фильм? Расскажи мне потом, чем кончилось?

Будь мы на свидании, я бы оскорбилась до глубины души. Но так как изначально поняла, что, кроме дружбы, нам нечего ловить, то облегченно кивнула. Иди, конечно.

– Попкорн оставить? – заботливо уточнил Миша, протягивая полупустое ведерко.

– Нет, спасибо.

Кажется, он обрадовался моему отказу.

Просидев ещё минут пятнадцать, я поняла: бесполезно. Надо валить. Второй такой же скучный фильм еще поискать нужно. Сюжет прочитаю в интернете и расскажу Мише во всех подробностях.

Да ещё и ноги в сапогах занемели. Как их люди носят в здравом уме?..

Спуститься по лестнице или на лифте? Все-таки четвертый этаж, а на мне эти дурацкие каблук.

Я потопталась на месте и двинула к лифту. Тот раскрыл передо мной металлические двери и бесшумно тронулся вниз.

Мой путь продолжался недолго, ибо на третьем этаже лифт замер, и двери открылись вновь

Не может быть!

Внутри вошел, мерзопакостно ухмыляясь, Измайлов Станислав Тимофеевич.

– Смотрю, судьба так и сталкивает нас лбами? – ухмыльнулся он, нажимая на кнопку нулевого этажа.

Я промолчала, лишь отодвинулась в угол.

Даже общаться с ним не хочу. Даже смотреть в его сторону тошно. Воздухом одним дышать неприятно.

– Ладно вам, Иванова. Не реагируйте столь бурно. У вас же на лице написаны все эмоции.

«Отвалите», – подумала я, мысленно дорисовывая маршрут, куда именно он должен отвалить. Извилистый такой маршрут, полный закоулков и голодных тварей.

– Я вас так сильно бешу? – продолжил изгаляться он, стоя ко мне спиной, но рассматривая меня через зеркальную стену.

– Нисколько, – сквозь зубы.

– Вчера вы, конечно, задали жару. Так эмоционально. Это восхищает. Наверное, я должен извиниться за свои слова. Кажется, эта четверка не принесла вам... удовольствия.

Он повернулся и сделал шаг в мою сторону. Насмешливо. С одной целью – позлить. Я вжалась в стену, думая о том, что смогу дать коленом в пах, если придвинется ещё ближе.

– Станислав Тимофеевич, отстаньте от меня по-хорошему.

– Я и не... – начал Измайлов, но осекся.

Внезапно лифт заскрипел, покачнулся и... застыл на месте. Свет вырубило, и мы погрузились в кромешную тьму.

– Нештатная ситуация! – донесся голос откуда-то снаружи. – Сохраняйте спокойствие. Электричество будет восстановлено в течение десяти минут.

– Что ж, у нас есть десять минут, – прошептал Измайлов мне на ухо совсем другим тоном, и позвоночник опалило жаром. – Может быть, ты все-таки простишь меня? Даша, сейчас я серьезен...

– Я тоже более чем серьезна! – попыталась возмутиться, но его губы отыскивали мои во тьме, и язык проник в рот, не давая возможности продолжить возмущения.

Как-то внезапно я ответила на поцелуй.

Слабачка ты, Иванова!

Горячая рука ползла по моей ноге. От колена и выше, к округлости бедра. Здравый смысл требовал отказаться. Потому что потом будет больно. Потом этот мужчина опять воспользуется мною и скажет, что мы поступили неправильно. Он будет язвить и насмехаться.

К сожалению, голос рассудка оказался задвинут куда подальше. Потому что всё внутри взмолилось о продолжении, стоило Измайлову оказаться рядом. О нежных касаниях. О поцелуях, что выжигали на коже узоры.

Запретить или согласиться?..

Отказать или...

Глава 4

Но как отказаться, когда тебя накрывает с головой обжигающей волной? Даже если потом будет больно – плевать. Сердце срывается на бег, и когда Измайлов сминает мои губы жадным поцелуем, я задыхаюсь. Теряю ориентацию в пространстве. Истекаю желанием.

Темнота нам на руку. Можно трогать, ощупывать, очерчивать с открытыми глазами, без стеснения и дурацкой робости. Можно тереться об его кожу бедрами, можно всматриваться, пытаюсь разглядеть черты лица. Можно не сдерживать стоны и сжиматься в тугую пружину, пока его пальцы исследуют меня внизу.

Когда он наконец-то входит в меня, я вцепляюсь ногтями в мощные плечи, насаживаюсь сильнее, чтобы ощутить его в себе. На всю длину. Глубоко. Так полно.

Ох.

Он начинает двигаться быстрее, и во мне растекается жгучее, неконтролируемое желание.

Это сродни сумасшествию. Потому что в эти секунды я забываю обо всем. Ничего не имеет значение, пока я могу вжиматься в шею, пахнущую кофейной горечью, и пока этот мужчина наполняет меня.

– Ты такая... – он не закончил фразу, но мне и не нужно концовок.

Никаких слов. Молчи. Дари наслаждение и не говори, потому что слова не даются нам обоим. Мы начинаем проявлять характер (исключительно мерзопакостный), а это чревато последствиями.

Сейчас я почти готова забыть о той детской обиде, которую испытывала к тебе. О твоих словах. Об ухмылках вечных. Об унижении...

И когда Станислав Измайлов – Стас! – приближается к пику, я присоединяюсь к нему с тихим всхлипом.

А потом мы приводим себя в порядок на ощупь, в темноте ищем разбросанную верхнюю одежду. Антисанитария, конечно, полная. Пол в лифте не такой уж и чистый, поэтому куртка моя наверняка представляет собой жалкое зрелище.

Все-таки уложились в десять минут. Свет, мигнув, включился, и мы уставились друг на друга. С неподдельным таким опасением.

– Если вы... ты сейчас скажешь, что это было ошибкой, я приду к тебе ночью и задушу подушкой, – пообещала я зловредно.

– Не скажу, – он откинул с глаз челку. – Даш, я вообще не знаю, что со мной происходит. Меня накрывает, стоит тебе появиться рядом. Как наваждение какое-то или вирус. Запах твой, взгляд... Не понимаю...

– Вот когда поймешь, тогда и пообщаемся, – выдала я.

Двери открылись на первом этаже, выпустив меня наружу. Наконец-то вышла победительницей! Ура! Краем глаза я отметила, что Измайлов так и стоит в лифте, недвижимый, точно статуя.

Ну а куртка почти не пострадала.

Тем роковым днем Станислав Измайлов возвращался со встречи. Кто, в самом деле, додумается назначать приватное общение (да ещё и на неприятную тему) на третьем этаже торгового центра, в ресторанчике под названием «Индюшка и хрюшка»?

Но некогда лучший друг Стаса был как раз таким человеком. Игорь Сокольников решил, что нет лучше места, чтобы пообщаться по душам, чем заведение, где приветствуют веселым хрюканьем.

Правда, что в их общении было душевного, Стас так и не понял.

Он ощущал себя идиотом, пока человек напротив рушил его мир и выбивал почву из-под ног. Окончательно. Бесповоротно. С особым садизмом.

В этом, что ли, душа?

Сказать, что Стаса втоптали в землю одним только разговором, – ничего не сказать. Так гадко он ещё никогда себя не чувствовал.

– Как ты, друг? – спросил Игорь, изображая человека, которому не всё равно. – Прости, что сразу не рассказал.

– Нормально всё, – ответил резко. – Мне нужно идти. Мы договорили?

– Не злись...

Действительно. Легко сказать.

Стас медленно встал, будто бы убеждаясь, что пол не исчез, и мир не превратился в зыбучие пески. Кинул купюру, расплачиваясь за не выпитый кофе.

И ушел, не попрощавшись с грустным Игорем, который продолжал жевать стейк.

К лифту он тащился, не помня себя и мечтая надраться до беспамятства как можно скорее.

Но вдруг Стас увидел её. Точно спасательный круг, Даша Иванова появилась в тот самый момент, когда он проваливался в пучину безысходности. Язвительная такая и вредная. Настоящая.

До недавнего времени он не рассматривал её в качестве интимного интереса. Конечно, Иванова выделялась среди прочих. Единственная девушка на потоке, да ещё и симпатичная. Она вечно сидела с таким видом, будто сопромат вызывал в ней панику.

Чаще, правда, и на доску не смотрела, что-то вырисовывая в тетрадке. Аж язык высывала от усердия и изредка неодобрительно мотала волосами. А Стаса всякий раз брало раздражение: что она там пишет?

Конечно, он не был безумным фанатиком и не считал, что нет ничего важнее его предмета. Есть, конечно.

Но если уж взялся грызть гранит науки – грызи и причмокивай от удовольствия. Никто ведь ей насилу учиться не тащил. Сама захотела.

Ну а потом это падение посреди пересдачи, когда Стас ощутил под собой мягкое, теплое тело. Податливое. Посмотрел на неё снизу вверх. На глаза удивленные, на покрасневшее лицо.

Какая же она... жаркая.

А тот раз на кафедре, когда он забил на свои принципы, только бы ощутить её? Наваждение, не иначе. И ведь согласилась. Почему? Ради оценки? Чтобы наконец-то отмучиться?

Или всё-таки было что-то ещё?..

Больше всего Стасу нравилось наблюдать за тем, как Иванова закипает от злости, как начинает возмущенно пыхтеть и хамить в ответ.

Как назло, отключили электричество.

Что это: знак свыше или заговор вселенной?

Сколько у них разница? Десять лет? Больше? Меньше?

А она так сладко стонет и так вжимается в него, словно в последний раз. И одежда с неё слетает очень просто. Даша дышит, всхлипывая, и от этого член твердеет в одну секунду. Не нужно никаких предварительных ласк, чтобы он упирался в белье, принося неудобство и даже боль.

Гораздо лучше, когда член скользит внутри неё. Такой узкой и влажной.

После такого «марафона» все идиотские мысли тотчас потеряли значение. Стас словно бы очистился, даже воздух стал пахнуть как-то иначе. Он наполнился страстью.

Так. Надо включить голову и заставить себя выйти из лифта.

На улице он потянулся, подставляя лицо холодному зимнему солнцу. К черту всё. Можно выдохнуть и ни о чем не думать.

К сожалению, кто-то свыше рассудил иначе, потому что телефон завибрировал в кармане джинсов. На дисплее высветилось «Настя». Стас долго сомневался: брать трубку или уже не нужно? Что он ей скажет? А она ему?

– Да?

На том конце провода заверещали:

– Я беременна! Слав, представляешь? Беременна! Ты станешь папой!

– Поздравляю, – сказал Стас не своим голосом и отключил телефон.

Наверное, он – полный моральный урод. Скотина. Не мужчина. Человек, недостойный существовать. Раз на восторги невесты отозвался равнодушием и даже злобой. Но на рубашке сохранился слабый запах духов Ивановой, и это казалось важнее любых новостей.

Тем более таких, которые точно не могут быть правдой.

Наверное, на обратном пути меня незаметно покусала Золушка, потому что мне дико захотелось что-нибудь прибрать. Иришки не было, поэтому следующие два часа я драила комнату под панк-рок, вопящий в колонках. Даже люстру протерла, что для меня было нетипично – ибо это высоко, неудобно и небезопасно. Люстра у нас такая, что одно неловкое движение, и рухнет вместе с куском потолка.

Но повезло.

Вскоре десять квадратных метров сверкали чистотой.

Не успокоившись, я рванула на общую кухню с каким-то рецептом пирога, который нашла по запросу «пирог, который невозможно испортить».

Забегая вперед: возможно.

Но пока я этого не знала и вдохновенно смешивала ингредиенты.

– Что с тобой, Иванова? – полюбопытствовала вечно сидящая на кухне Светка (она либо готовила, либо ела). – Ты в адеквате?

– А что? – Я сыпанула соли «на глазок», прямо как по рецепту.

«Глазок» получился с чайную ложку.

Ай, нормально!

– Впервые вижу тебя готовящей. Ты либо бешенство подхватила, либо...

Она не договорила. Видимо, в голову Светке второй вариант даже не пришел. Я лишь дернула плечом. Когда-то нужно начинать готовить самостоятельно, не вечно же сидеть на шее Шевченко.

Так, в рецепте сказано взять три крупных яйца или четыре мелких. У меня какие яйца? Я сжала их в ладошке. Не, ну крупные, наверное. Ладно, всё равно добавлю побольше. Яйцом пирог не испортишь.

– Так что с тобой, а?

– У меня хорошее настроение, и я хочу приносить пользу обществу.

– Тогда выйди из кухни, – заржала Светка.

Я не ответила, только врубила на полную катушку миксер.

Спустя пять минут у плиты столпилась половина этажа. Каждый считал своим долгом лично убедиться, что Иванова Даша готовит. По-настоящему. Пирог.

Я с видом фокусника добавляла ингредиенты, не заботясь о пропорциях.

– Дашка, пирог делаешь? – Миша Семенов подошел слева и резво обмакнул в тесто ложку. – О, вкусно. Дашь готовый попробовать? О, прикольная фраза: Даш, дашь?

Прозвучало неоднозначно. Настолько неоднозначно, что я на всякий случай сделала шаг в сторону. Ох, Мишутка, знал бы ты, чем закончился для меня просмотр фильма. Впрочем, день я провела отлично, за что тебе спасибо.

– Конечно, дам.

– Спасибо. А то я упарился с этим переездом. Голодный как слон.

В общем, всё шло хорошо, пока не появился надзиратель в лице Шевченко. Она проходила мимо кухни, мельком заглянула к нам, а потом вошла с очень мрачным видом.

– Что ты делаешь?! – Иришка отобрала у меня миксер, попробовала тесто и, отплевавшись, добавила стакан молока. – Сгинь, горе-повар.

Пришлось уйти. Не победителем, но и не побежденной в неравном бою с кулинарией.

– Как свидание? – спросила Иришка, когда вернулась в спальню. – Пирог будет через полчаса.

– Нормально, но Миша – не мой типаж.

– Миша вообще может быть чьим-то типажом? – прыснула она. – Он же такой... ну... тупенький.

– Да обыкновенный он, – обиделась я за добродушного Семенова. – Уж всяко лучше твоего Кошелева.

– Сережа хороший! Он хотя бы умный и веселый! И вообще! Ты будто кидаешься на любого парня, только бы с кем-нибудь встречаться.

Это меня задело за живое. Не сама ли Иришка недавно плакалась, как устала от одиночества?

– Вот давай только без нравоучений, а? Как-нибудь сама разберусь.

– Ну и ладно, – фыркнула она. – Можешь спать хоть с Мишей, хоть с кем угодно. Тебе будто не хватило одного неудачного опыта. Что, после Вити ещё тянет на приключения? Ничему тебя жизнь не учит, да?

ЧТО?!

Я подняла на Шевченко полный негодования взгляд. Подруга и сама поняла, что перешла границу, которую мы договорились никогда даже не затрагивать.

– Прости...

Я её уже не слышала, потому что схватила кроссовки, свитер и вылетела из спальни.

Идти было некуда. Поэтому я пошла к Копернику. Всё равно его соседей никогда нет в комнате. Наверное, даже они неспособны выдержать присутствие Вани больше, чем восемь часов в сутки.

Ваня встретил меня почти как родную. Даже с печеньем. Экологически чистым, конечно же. Таким невкусным, которое есть – сплошное неудовольствие. Но он раскошелится на печенье ради девушки – ради меня! – и это внушало уважение.

– Итак, ты изучила третью главу? – спросил он менторским тоном.

– Почти.

– Почти – то есть даже не дочитала?!

– Почти – то есть дочитала, но ничего не поняла.

– Впрочем, ничего нового. Ешь печенье. – Он пихнул мне под нос непонятную каку, которая остро пахла картофельными очистками.

Я щедрый жест оценила и отказываться не стала.

Часа три мы посвятили демону по имени Наука. Но, признаться, к третьей неделе обучения я перестала походить на бревно и иногда даже осмысленно кивала. Коперник был неплохим педагогом. Занудным и раздражительным, зато не терпящим полумер. Захотела знать на «отлично»? Рот закрыла и учи.

Ну а когда совсем свечерело, а соседей так дома и не появилось – может быть, Ваня выжил их? – мы перешли к пикап-урокам. Ванюша сразу разгорячился и нахохлился.

– Ты уверена, что девушки любят опасных парней? – сомневался Коперник, пока я описывала ему идеального мужчину с точки зрения женщины.

– Даже не сомневайся.

Мне вспомнились сильные руки, скользящие по моей талии. Зубы, прихватывающие мочку уха. Грозный рык.

Да, мы любим опасных мужчин. Непонятных. Сложных.

– Как мне стать таким? – Он принялся нервно расчесывать переносицу. – Подрататься с кем-нибудь?

– Не так радикально.

Во-первых, потому что его банально избыют. Во-вторых, опасность не равняется дракам. Можно ведь сделать что-то другое.

– А как?..

– Смотри, – вздохнула я. – У меня есть одна подруга. Очень хорошая девочка, которая никогда не позволяет себе лишнего. Но тут появился мужчина... парень. И он каждый раз поступает так, что это выбивает у неё почву из-под ног. Берет нахрапом. Не спрашивает разрешения. То отдаляет её от себя, то пускается во все тяжкие вместе с ней.

– И что твоя подруга? – Ванюша посмотрел на меня очень внимательно.

– Раз за разом наступает на одни и те же грабли.

– Ей это нравится?

– Очень.

Он понимающе кивнул. Коперник вообще был далеко не глупым парнем, просто слишком заумным. А это как в книге: горе от ума.

– Ну а если дарить подарки? Цветы? Конфеты?

Я вспомнила косоглазого медведя от Семенова, который был запрягал поглубже под кровать, потому что мне казалось, что он опасно смотрит на меня из любой точки комнаты.

– Понимаешь, в чем дело. Если ты неприятен девушке, то хоть сотню роз притащи, а у неё ничего не всколыхнется. А вот если она по тебе сохнет – можешь пять лет дарить огрызки от яблок. И она каждым будет хвастаться перед подругами.

– Да ты философ, Иванова.

– Жизнь заставила, – хмыкнула я, треская десятую печенюшку.

Когда к ним привыкаешь, они не такие уж и мерзкие.

– Слушай, – вдруг спросил Коперник. – А что твоя подруга будет делать с этим парнем? Ну, который то хороший, то плохой?

Если бы я сама знала...

– Она постарается понять, какой он по-настоящему. Тогда и решит: нужно ли тратить на него время.

– Расскажешь, получится ли у нее?

Очень постараюсь.

Глава 5

Каникулы закончились, не успев начаться. Вернулись и трудовые будни, и вечерние пары, на которых возникало только одно желание – спать. Со Стасом мы не пересекались. Нигде. Никак. Даже экзамен по строительной механике я пересдала не ему, а выздоровевшему старичку-преподавателю.

Признаться, меня это огорчало. Мне хотелось заглянуть в глаза Измайлова, чтобы убедиться: между нами что-то случилось. Взаправду.

А он будто испарился.

Ладно, в расписании на пятницу была поставлена его лекция. Ох. Как же подготовиться?

Утром перед той самой лекцией я вдумчиво осматривала гардероб и понимала, что мне совершенно нечего надеть. В том плане, что я не собиралась наряжаться как на панель – никаких больше каблуков! – но и замученным тюленем быть не хотелось.

Все-таки первая встреча за две недели.

– Даш, ты чего залипла? – спросила Шевченко, подпиливая ногти ядерно-зеленой пилкой.

Мы с ней, разумеется, помирились. Ну а как иначе? Когда еженощно слушаешь сопение, к которому за три года привык, невозможно жить в ссоре. Тем более Иришка долго извинялась и даже приготовила мой любимый торт. Красный бархат, м-м-м, килограмм удовольствия и калорий.

– Думаю, что надеть. Всё какое-то старое и грязное, – выудила наружу джинсы, на которых расплзлось пятно.

– Надо сменить гардероб, – обрадовалась Шевченко.

– Нет! – Я испуганно замотала головой.

Поход за одеждой с Иришкой означал пять часов невыносимых пыток, потому что подруга будет вдумчиво осматривать все вешалки и трижды обходить один и тот же магазин. Мне она соберет килограмм десять вещей, и пока я не перемерю их все – мы никуда не уйдем.

– Ты скучная.

– Знаю.

– С таким подходом у тебя никогда не будет мужика.

– Ага.

– Ты умрешь старой кошатницей.

– Шевченко, спасибо за твою доброту, но в какой момент с одежды мы перешли на мою убогую кошачью старость?

– Просто ты никогда меня не слушаешь.

Подружка надулась как воздушный шарик, готовый вот-вот лопнуть и разлететься во все стороны.

Я выудила из недр полки что-то, отдаленно похожее на бежевый свитер. Потрясла. Вроде приличный. Не мятый даже, что вдвойне приятно.

Решено, пойду так.

Кстати, была ещё одна проблема, которую я пыталась разрешить вот уже вторую неделю. Проблема по имени Миша Семенов, который решил, что одного свидания достаточно, чтобы мы слились в страстном поцелуе, нарожали детей и умерли в один день.

Семенов не понимал отказов. Я пыталась тактично объяснить, мол, мы не можем встречаться. Он смотрел на меня понимающим взглядом и кивал. Сказала честно, что предпочитаю других мужчин. Миша пообещал стать для меня единственным. Даже соврала, будто у меня есть парень.

Вы думаете, это остановило Мишу от поползновений в мою сторону?

Нет. Именно поэтому он сейчас плюхнулся на соседний стул и улыбнулся мне такой широкой улыбкой, что можно было рассмотреть гланды.

– Как дела?

– Всё чудесно, пожалуйста, убери руку с моего колена, – буркнула я, вперившись взглядом в дверь.

Когда же она откроется, и внутрь войдет Стас? Как вести себя рядом с ним? Почему Семенов чуть ли не прижимается ко мне всем телом? Это, как минимум, неприлично.

Миша со вздохом прекратил ощупывать мою ногу и изрек многозначительно:

– Ты, Дашка, женщина-загадка, вот что. Не так-то просто тебя заполнить!

– Меня сложно найти, легко потерять и невозможно забыть, – ответила цитатой из какой-то ванильного сообщества. – Семенов, потеряй меня, пожалуйста. Я уже устала говорить, что между нами ничего нет.

– Конечно, моя сладкая киса. А если я предложу отведать моего язычка? – согласился он, изобразив языком движение, будто что-то вылизывает.

ЧЕГО?!

В первую секунду я отпрянула подальше под хохот парней с задних рядов. Во вторую открылась дверь, и вошел пасмурный как грозовое небо Стас Измайлов. В третью Миша получил звонкую пощечину.

– Хорошее начало хорошего дня, – резюмировал Измайлов, вытирая доску тряпкой. – Иванова, чем вам не угодил Семенов?

Не угодивший мне по всем показателям Семенов сидел очень тихо, держась за красную от удара щеку. Парни тоже замолкли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.